

Юлия
Климова
ГРЫМЗА
С КАМЕЛИЯМИ

ЭКСМО

Анна, Солька и Альжбетка

Юлия Климова

Грымза с камелиями

«Юлия Климова»

2006

Климова Ю. В.

Грымза с камелиями / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2006 — (Анна, Солька и Альжбетка)

ISBN 5-699-19230-1

Даже если вы обладательница роскошных форм и сундука золота – не обольщайтесь! Ибо мужчина, пожирающий вас глазами, совершенно необязательно околдован убойными прелестями. Скорее всего, ему просто что-то надо. Во всяком случае, с Альжбетой вышло именно так. Некий мужинка преследовал красотку по пятам в течение пары часов, а потом в скандальной форме потребовал вернуть его сокровища. Вот тут-то настал черед Альжбетки впасть в истерику – ведь состоятельной дамой она стала как раз таки благодаря содержимому сейфа, спрятанного в гараже этого назойливого господина...

ISBN 5-699-19230-1

© Климова Ю. В., 2006

© Юлия Климова, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Климова

Грымза с камелиями

Глава 1

День открытых дверей в сумасшедшем доме

– А давайте поедem в Крым, – мечтательно выдохнула Солька.
– Кое-кто, может, и поедет, а тебе, помнится, отпуска не давали, – ответила я.
– Так что же, без меня поедешь?
– Нет, зачем же, возьмем весь твой класс из двадцати восьми душ, оформим это как экскурсию в музей истории обороны «Аджимушкaйских каменоломен», и вперед...

– Если я очень попрошу, мне отпуск дадут, – надулась Солька.

– Правильно, – согласилась я, – незаменимых учителей какой-то там ботаники у нас нет.

По паспорту моя подруга – Ефросинья Андреевна Потапчукова. Имя свое она не очень-то жалует, так что мы зовем ее Солькой. Она преподает в школе ботанику и свято верит, что тем самым сеет доброе и вечное. Я частенько подкалываю ее, и мы даже время от времени ссоримся, но все же мы лучшие подруги, и с этим уже ничего не поделаешь.

– А я, девочки, вчера из клуба уволилась, надоело в кордебалете ногами дрыгать, – сказала Альжбетка, разглядывая позолоченные часы, – как вам эти?

Альжбетка очень яркий персонаж нашей троицы – эффектная тридцатилетняя дамочка с накладными ногтями и давно уже вросшими в пятки десятисантиметровыми каблуками. Она жутко комплексует из-за своего возраста, хотя, по моему скромному мнению, волноваться нечего – Альжбетка похожа на девушку с обложки глянцевого журнала и ни о каких морщинах речи пока не идет.

А я Анна – вредная особа двадцати восьми лет. Симпатичная и стройная, хотя проблемы с лишним весом иногда серьезно нервируют мою закаленную житейскими трудностями душу. Подружек своих люблю трепетной сестринской любовью, но в педагогических целях особо не балую.

Мы соседки – живем на одном этаже тихо и мирно, но иногда все же попадаем в разные истории и дружно из них выпутываемся. Совсем недавно нам пришлось изрядно поволноваться – нужно было срочно куда-нибудь приткнуть труп престарелого «жениха» Альжбетки, который скоропостижно скончался, не выдержав ее страстных объятий. А потом мы охотились за большими деньгами. Все закончилось нашей полной победой (мы получили десять процентов от трех найденных миллионов долларов), и теперь просто наслаждаемся жизнью – шатаемся по магазинам и тратим деньги на всякое барахло.

– Часики – фигня, положи на место. И не прижимай к себе столько золота, сейчас в моде бижутерия, – провозгласила я, думая только о том, как бы уже выгнать Альжбетку из ювелирного: еще немного – и она купит здесь абсолютно все.

– Я есть хочу, – заныла Солька.

Молодец, вовремя.

– Сейчас найдем какую-нибудь забегаловку и отметим Альжбеткино увольнение.

– И заодно твой отпуск, – поддержала меня Солька. Видно, есть ей хотелось очень сильно.

Мы вышли из душного магазина и огляделись.

– Смотри, – сказала Солька, глотая слюну, – вон харчевня «Толстая поросья», пойдемте скорее, я мяса хочу.

– Ну, поросья, так поросья, – согласилась я и решительно кивнула в сторону яркой вывески.

Столики в небольшом зале были деревянные, как и положено во всех порядочных харчевнях, замасленные по углам и замызганные по краям.

– Красота, – выдала Солька.

– Кошмар, – сморщилась Альжбетка.

Солька заказала столько, что можно было бы накормить бизона, но мы с Альжбеткой ее даже не одернули, ибо смотреть, как она ест, для нас особое развлечение.

– Я вот хочу поехать за границу... – сказала Альжбетка, – пока не решила, куда. Отдохну дней десять...

– Поезжайте вместе, – предложила Солька, открывая и выставляя перед собой баночки с горчишкой, соевым соусом и кетчупом.

– Нет, у меня и паспорта заграничного не имеется, да и не хочу, – отмахнулась я, – еще подумаю, куда податься, время есть.

– Может, мне все-таки дадут отпуск, – заныла Солька.

– Ты что! Конец сентября, кто тебя сейчас отпустит, – развеяла все ее мечты Альжбетка.

Учительница ботаники нахмурилась и стала раскладывать салат на три кучки: отдельно рис, отдельно кукурузу, отдельно крабовые палочки. Каждую кучку она полила разным соусом, а потом решительно все это перемешала.

Альжбетка зажмурилась, ей стало плохо.

– Значит, завтра у тебя последний рабочий день? – уточнила Солька.

– Ага, – кивнула я, – приятненько, вроде и поработала немного, а отпуск заслужила.

В фирме «Ланди» я вкалываю секретарем, первый мой начальник как-то очень быстро умер (в этом ему немножко помогли), зато второй... Ах! Воронцов Виктор Иванович из числа тех мужчин, которых называют Настоящими. Когда я его вижу, то просто млею, но, конечно же, держу себя в руках, чтобы он не догадался о моих пламенных чувствах к нему. Интуиция подсказывает, что я ему тоже нравлюсь. Эх! Эх!

– Вот пока ты будешь в отпуске, какая-нибудь вертихвостка твоего Воронцова и окрутит, начальники, знаешь ли, не залеживаются, – сказала Альжбетка, поедая морковный салатик.

– Так он у нее еще ни разу и не лежал... – влезла Солька.

– Не будем о грустном, – вздохнула я. – Боюсь, после того, как он познакомился с моей чудесной маман, мне уже ничего не светит.

Если вы пока не знакомы с моей мамой, то поверьте, все самое интересное у вас еще впереди.

– Мы как-то неправильно живем, – сказала Солька, – зачем нам вообще эти начальники, давайте откроем собственное дело и будем сами себе хозяйками.

Альжбетка внимательно посмотрела, как Солька раскручивает рулетик из баклажана и счищает с него творог, который потом намазывает на лаваш, а баклажан мажет горчицей и скручивает обратно, и сказала:

– Хорошо бы, но мы ничего не умеем делать, и потом, денег для этого осталось маловато.

– Если сложимся, то хватит, – отрезала Солька, запихивая в рот видоизмененный баклажан.

– Идея хорошая, – одобрила я, – но пока повременим. Дайте хоть в отпуск спокойно помотаться. Вернусь, все обдумаем.

Собственное дело – это, конечно, идея притягательная, и я знала: стоит мне хорошенько поразмышлять об этом, как меня уже будет не остановить... Плавное течение мыслей вдруг резко затормозилось – за окном стоял мужчина и пристально смотрел на нас...

Вообще-то, он смотрел не на нас, а на Альжбетку. Тут ничего удивительного нет, Альжбетка у нас красивая, модная, стильная, и все на нее пялятся, и, пожалуй, к этому мы уже давно привыкли, но это был какой-то странный мужчина... Маленького росточка – метр шестьдесят, не больше, и полвека уж точно прожил на этом свете. Он был слишком упитан и напо-

минал гладкий, блестящий арбуз на прилавке магазина. Его реденькие волосы переливались на солнце, потому что изрядное количество геля накрепко прилепило их к лысоватой голове. Оторванный до середины карман на светлом пиджаке повис в каком-то отчаянии, и легкий ветерок то и дело приподнимал его края.

Поверьте, такие мужчины не смотрят на Альжбетку: они смущаются, краснеют и убегают прочь, пожалуй, они даже боятся ее. Этот же представитель мужского населения планеты Земля, не зная робости и страха, неотрывно следил за нашей длинноногой красавицей, чем все больше и больше изумлял меня.

– У тебя появился новый поклонник, – сказала я, кивая в сторону окна.

Альжбетка обернулась и увидела толстячка. Мужчина не просто оживился... он запрыгал на одном месте, делая знаки, чтобы мы немедленно вышли.

– Это вообще что? – удивленно спросила Альжбетта.

– Мне кажется, он хочет с тобой познакомиться, – ответила я.

– Нет, девочки, ну что это такое! Мы не пойдем к нему... мы же едим, в конце концов, – пряча за щекой кусок колбасы, сказала Солька.

– Конечно, не пойдем, мне кажется, он какой-то странный, – заволновалась Альжбетта.

Мужчина тем временем стал что-то выкрикивать и стучать кулаком по стеклу, чем привлек внимание широкоплечего охранника.

Он подошел к нам и спросил:

– Вы знаете этого человека?

Альжбетка просто изменилась в лице:

– Нет, нет! Сделайте же что-нибудь!

– Не беспокойтесь, – сказал охранник, и через минуту мы увидели, как Альжбеткиного воздыхателя оттаскивают от окна за угол ресторана. Картина была душераздирающая – бедняга непрерывно цеплялся за воздух и издавал странные звуки, которые долетали до нас в виде приглушенного визга.

– Интересно, чего он хотел? – кокетливо пожала плечами Альжбетка.

– Телефончик твой, – удовлетворила я ее самолюбие.

– А мне кажется, он о еде мечтал, – вздохнув, сказала Солька, – и мы поступили не очень хорошо, не по Божьим законам, так сказать...

Альжбетка поперхнулась, но Солька сильно вошла в роль и наверняка уже представляла себя на классном часе перед томящимися учениками.

– Надо было вынести кусочек хлеба или позвать к нам и накормить этого оголодавшего человека...

– Сердобольная ты наша, – перебила я, пододвигая к Сольке свою тарелку.

Молниеносно с моей тарелки исчезли грибы, селедка и картофельная котлета.

На улицу мы вышли сытые и довольные.

– Все же открыть свое дело, это неплохая идея, – напомнила нам Альжбетка, – вот говорю вам, мы бы справились.

Направляясь к Альжбеткиной машине, мы обсуждали планы на будущее. Солька предлагала открыть частную школу, Альжбетка – ночной клуб, а я занималась тем, что разбивала все их идеи на лету и получала от этого какое-то волшебное удовольствие. Завтра мой последний рабочий день... я не увижу Воронцова целый месяц... как он будет без меня... а как я без него?..

– Наконец-то! – послышался визгливый голос, и маленький толстенький мужчина бросился из-за остановки прямо на Альжбетку.

Она ловко увернулась, а мужчина упал на свой воздушный живот и крикнул.

– Вам помочь? – опасливо прячась за моей спиной, спросила Солька.

Мужчина без чьей-либо помощи ловко вскочил на ноги и сделал еще один рывок в сторону Альжбетки.

– Отдай, слышишь, отдай мои сокровища!!! – вскричал он, хватая ошарашенную Альжбетку за руку.

Он ненормальный, он точно ненормальный...

– Они мои, они по праву принадлежат мне! – прижимая онемевшую красотку к себе, восклицал маленький человечек.

Мне кажется, что настала та минута, та историческая минута, когда в происходящее должна вмешаться я!

– Позвольте, – начала я, отцепляя Воздушный Шарик от подруги, – все сокровища наша Альжбетта носит при себе, и чтобы иметь на них какие-либо права, вам надо сначала на ней жениться.

Альжбетка жалобно посмотрела на меня, и я ей ответила взглядом – спокойно, женихи не всегда доживают до свадьбы.

– О чем вы говорите? Мои сокровища... пусть отдаст... – заканючил мужчина.

Лечить его, пожалуй, не будут... диагноз – безнадежен, решила я.

– Хорошо, присаживайтесь, – сказала я, указывая на скамейку.

Мужчина охотно сел, при этом его штаны задрались чуть ли не до колен, показывая всему миру пухленькие волосатые ножки.

– Сокровища – это не тема для криков и пустой болтовни, согласны ли вы со мной, уважаемый? – осведомилась я, делая знаки девочкам.

Знаки мои означали – машина недалеко, как только я побегу, вы – за мной.

– Я согласен, я с вами бесконечно согласен, – сцепив пальчики, заговорил мужчина.

– Как вас зовут? – поинтересовалась я.

– Я представляюсь, я с удовольствием представляюсь, – затараторил наш бесподобно милый собеседник, – Осиков Арсений Захарович, но вот только пусть она отдаст все, что принадлежит мне!

Он ткнул пальцем в Альжбетку.

– А когда она у вас это забрала? – поинтересовалась на всякий случай Солька.

Я наклонила голову набок, давая команду «на старт».

– Я вас первый раз вижу, – негодуяше сказала Альжбетка, – и я ничего у вас не брала!

– Вы не волнуйтесь, – сказала я, хватая за руку подскочившего Осикова. Чувствовалось, что его негодование сейчас польется через край. – Она, конечно же, вам все отдаст, вы имеете дело с порядочными людьми.

Я наклонила голову еще ниже, отдавая команду «внимание». Солька прижала к себе сумку.

– Отчасти я вас понимаю, – обратился Арсений Захарович к Альжбетке, – будь я на вашем месте, возможно, тоже отказывался бы и делал вид, что ничего не случилось... но все же я взываю к вашей совести, нельзя присваивать чужое имущество. Это мое сокровище, отдайте его мне! – Вдруг лицо Осикова побелело, и дрогнувшим голосом он спросил: – Вы же не потратили мое состояние?

– Нет, – торопливо заверила я, – все в целости и сохранности, не беспокойтесь.

– Тогда немедленно пойдете, и вы вернете мое богатство.

Я кивнула головой, отдавая последнюю команду – «марш», и мы сорвались с места...

Все случилось так быстро, что бедный Осиков даже не понял, что произошло: он так и остался сидеть на скамейке с изумленным выражением лица.

Хлопнули дверцы машины, и мы под рев мотора устремились вперед. Сдерживать смех было просто невозможно.

– Альжбетка, отдай сокровища!!! – захлебываясь, пищала Солька.

– Мне кажется, он верил в то, что говорил, – хихикала Альжбетка, – я уже стала сомневаться, а не брала ли я чего у этого толстячка?

– Да он просто не в себе, – сказала я, – осеннее обострение.
– Нет, но как он напирал, а как призывал к нашей совести?! – смеялась Солька.
– Не к нашей, а к Альжбеткиной совести, – поправила я, – а интересно, почему он именно ее обвинил, почему только к ней приставал?
– Потому что она, как фонарный столб, вся мошкара к ней летит, – сказала Солька.
– Вовсе нет, посмотри на себя, разве кто-нибудь подумает, что у тебя могут быть сокровища, – тут же огрызнулась Альжбетка.
– Да ну его, – отмахнулась я, – завтра у меня последний рабочий день, а потом отпуск, давайте мечтать о моем отпуске.
– Поезжай в дом отдыха, познакомься с кем-нибудь, – посоветовала Альжбетка.
– У тебя только одно в голове, – поддела Солька, – мужики, мужики, мужики!
– Хорошо тебе говорить, у тебя Славка под боком... – ответила Альжбетка.
– А у нее Воронцов есть.
– В том-то и дело, что его у меня нет, – с грустью сказала я.
– Вот пусть и едет отдыхать и заведет себе кого-нибудь, отвлечется, – прописала мне лекарство Альжбетка.

Не так давно Солька стала встречаться с нашим общим соседом Славкой. Он отличный парень, так что ничего против этого союза мы не имеем. Подкалываем их иногда, но исключительно с добрыми побуждениями – жизнь влюбленных не должна быть скучной и однообразной. Раньше Славка пилил гробы, потом переметнулся на производство тумбочек. Вот когда Солька отправилась поздравлять его с этим повышением, тогда-то они и полюбили друг друга.

– Ладно, – сказала я, – завтра куплю сослуживцам тортики, а себе толстый журнал по туризму и быстренько решу, куда податься. Конец сентября, я еще смогу найти пляж, на котором можно будет раскинуть свое бесподобное тело.

Прекрасное утро. Ужасное утро.

Кстати, я похудела еще на два килограмма, кушайте гречку и пейте зеленый чай!

На работу собиралась быстро и ритмично – надо еще забежать в булочную недалеко от офиса и купить четыре торта.

Я выдавила пасту на электрическую щетку и зажужжала. Наверное, за этим жужжанием я не сразу услышала Альжбеткин визг, но когда я оказалась на лестничной площадке, с пастой, стекающей изо рта, точно кровь у вампира, то увидела просто невероятную сцену.

Дверь соседней квартиры была распахнута, на пороге стояла полуодетая Альжбетка, а на полу на коленях стоял Осиков Арсений Захарович и молил нашу богиню красоты и вождения следующими словами:

– Отдай мои сокровища, я прошу, отдай мои сокровища!!!

Открылась дверь Солькиной квартиры, и заспанная, замотанная в одеяло учительница ботаники спросила:

– Ему что, хлеба?

– Нет, – покачала я головой, – ему сокровища.

В этот момент открылась дверь лифта, и ко мне навстречу шагнула моя разлюбленная Мария Андреевна.

– Мама, а ты-то тут какими судьбами? – изумилась я, глотая остатки пасты.

– В отпуск я еду с тобой, – решительно заявила она и заинтересованно посмотрела на Осикова.

Мир рухнул.

Глава 2

Мы возвращаем сокровища владельцу, но есть один нюанс...

Я подняла Арсения Захаровича с пола и впихнула в Альжбеткину квартиру, туда же засеменила Солька, обмотанная одеялом. Вот теперь я могу разобраться со своей мамой!

– О каком отпуске ты говоришь? – грозно спросила я.

– О твоём, дорогая.

– О МОЕМ! Так вот, мой отпуск – это мой отпуск, и я сама разберусь, как и где, а главное, с кем мне его проводить!

– Ты грубишь матери!

С одной стороны, она права, но лучше сразу взять ситуацию в свои руки, иначе я и не замечу, как мама окажется в моей багажной сумке.

– Я опаздываю на работу, прости, мне надо бежать.

Я нажала на кнопку лифта, и он гостеприимно раскрыл двери перед надувшейся от обиды мамой.

– А кто этот очаровательный мужчина? – спросила она, поглядывая в приоткрытую дверь Альжбеткиной квартиры.

– Маньяк!

– Мне просто необходимо с ним познакомиться!

Сказав это, мама направилась вовсе не в сторону лифта, а в сторону Альжбеткиной квартиры.

Открывая дверь, она сладко произнесла:

– Альжбетта, душечка, ты же не откажешь мне в чашечке кофе с дороги, мы так давно с тобой не виделись.

На секунду я представила себе Альжбетку в полуобморочном состоянии.

Ринувшись в свою квартиру, я запила остатки зубной пасты глотком ледяного вчерашнего чая, причесалась, посмотрела на себя в зеркало и сказала:

– Чует мое сердце, не будет у тебя отпуска, все планеты сейчас выстраиваются в иной ряд, все звезды рисуют иные созвездия, не будет у тебя отпуска, не будет!!!

В офисе все суетились, никому и дела не было до того, что сегодня у меня последний рабочий день. Я разнесла тортики и печенье по любимым отделам и уже собиралась прибраться на столе, как из своего кабинета вынырнула Любовь Григорьевна и поманила меня пальцем.

Любовь Григорьевна – финансовый директор, и, помимо рабочих моментов, нас связывает одна маленькая тайна: я ей помогла влюбить в себя одного очень милого юриста – Крошкина Илью Андреевича. Моя интуиция подсказывает, что все у них получится.

Закрывая за мной дверь, она зашептала:

– Он сделал мне предложение, ты можешь себе представить, он сделал мне предложение!

– Надеюсь, – сказала я саркастично, – вы не сразу ответили согласием, а сказали, что года три подумаете.

– Нет, – замотала головой директриса, – я почему-то сразу согласилась.

– Странно, – пожала я плечами, еле сдерживая улыбку.

Любовь Григорьевна смотрела на меня в замешательстве. Я засмеялась и обрушила на нее целый поток поздравлений и пожеланий.

– Вы молодец! – воскликнула я. – С детишками не тяните, пока медицина бесплатная, надо торопиться. Он как сделал предложение, цветы подарил? Поздравляю, поздравляю, поздравляю!

Я совсем закружила Любовь Григорьевну, и она, совершенно счастливая, рухнув на стул, стала обмахиваться розовой папкой.

– Ты думаешь, я правильно поступила, что согласилась?

– Само собой, зря мы, что ли, столько партизанили! Еще раз поздравляю.

– Это все благодаря тебе, и я хочу, чтобы ты обязательно была на нашей свадьбе.

– А когда свадьба? – поинтересовалась я.

– Через две недели.

– Так быстро?

– Мы дней десять назад подали заявление, но я как-то смущалась сказать.

– А я в отпуск отбываю, где-то на месяц, так что букетик ваш поймать не смогу, но вы его засушите, я потом его заберу.

– Ах, ну да, Виктор Иванович что-то говорил...

– Я уже и заявление написала.

– Тогда поздравляю тебя с отпуском, что-то быстро тебе его дали.

– Заслужила!

Еле сдержалась, чтобы не захихикать. Финансовая директриса всегда ждет от меня какого-нибудь подвоха или чего-нибудь из ряда вон выходящего. Так и есть – Любовь Григорьевна покраснела.

– Да нет, не тем способом, что вы подумали, все было куда прозаичнее.

Просто я помогла Воронцову найти те самые миллионы, на проценты от которых мы теперь покупаем безделушки, вот он и решил меня так отблагодарить. У меня на столе зазвонил телефон, и я поспешила в приемную.

– Фирма «Ланди».

– Это я, – зашипела Альжбетка.

– Не беспокойся, я тебя еще узнаю.

– Как ты могла нас бросить в такой ситуации...

– А что в мире делается?

– Твоя мама шушукается и обхаживает этого промасленного Арсения Захаровича, Солька пошла на работу, а я тут одна с этими... это, конечно, твоя мама, но ты же понимаешь, что моя жизнь висит на волоске...

– Я приду после обеда, надо утрясти кое-какие дела, я еще даже с Воронцовым не разговаривала.

– Но это так долго!

– Знаешь что, я с мамой прожила больше двадцати лет – и ничего, жива, здорова.

– Но зато у тебя есть отклонения.

– Какие такие отклонения? – заворчала я.

– От нормы, – прошипела Альжбетка.

– Сиди там и слушай, о чем они говорят, – зло прошипела я, – в конце концов, это ты стащила у бедного толстяка его последние сокровища!

– Я не брала у него ничего, я даже его не знаю...

– Вот иди и расскажи ему об этом, ему будет интересно.

Я положила трубку, понимая, что это бесконечный разговор. Я, конечно, не завидую Альжбетке, общение с моей мамой может пагубно отразиться на ее психике, но мне временно не до этого, так что пусть немножко помучается.

Приведя бумаги в порядок, известив всех о своем отпуске и ответив на кучу телефонных звонков, я посмотрела на дверь Воронцова – он еще не приезжал, и я его ждала.

Что бы сказать ему такое... чтобы думал обо мне целый месяц? Я подошла к окну и размечталась. Хлопнула дверь, и я услышала знакомый голос:

– У тебя неплохой вид сзади.

Я резко развернулась.

– Виктор Иванович, какого черта вы опаздываете на работу?!

– Пойдем в кабинет, расскажу тебе все новости.

Воронцов сразу направился к бару и налил в два бокала коньяк, мне не хотелось, но надо, так надо.

– За твой отпуск, – сказал он и сделал глоток.

– Спасибо, – ответила я и последовала его примеру, – вот вернусь, а вы тут без меня совсем зачахли, похудели, осунулись...

Воронцов усмехнулся.

– Я же как раз собирался рассказать тебе новость – я больше не буду работать здесь, у меня своих дел куча, порядок я навел, так что у тебя теперь появится новый начальник.

– Что? – изумилась я.

Эта новость меня вовсе не обрадовала. Воронцов – весьма обеспеченный человек и моим начальником, по сути, оказался случайно. Когда-то он подарил эту фирму своей сестре, и та доверила ее руководство мужу – Селезневу Валентину Петровичу. Супруг скончался, и Воронцов временно взял бразды правления в свои руки. Я очень надеялась, что это «временно» изменится на что-нибудь более постоянное. Например – навсегда.

– После отпуска познакомишься с новым директором, а я возвращаюсь к своей прежней работе. На это место я нашел вполне толкового парня, так что, думаю, проблем не будет.

– Вы что, – возмутилась я, – бросаете меня?

– Отдаю в хорошие руки, – заулыбался Воронцов.

Вот гад!

– Ладно, – я резко встала и залпом допила коньяк, – надеюсь, он будет помоложе вас, а то, когда вы ходите, раздается скрип ваших древних суставов.

С этими словами я вышла в приемную, и тут вновь зазвонил телефон.

– Это я, – опять сказала Альжбетка.

– И что дальше?

– Мама твоя ушла.

– Я рада за тебя, за себя и за всех, кто живет в нашем доме.

– Но Осиков-то остался!

– А что он делает?

– Сидит и молчит.

– Странно...

– Ничего странного, – вздохнула Альжбетка, – я объяснила ему, что ты у нас главная, и что, пока ты не придешь, ничто с мертвой точки не сдвинется.

– Какая ты молодец, лучше не придумаешь! Сама сокровища затырила, а я разбирайся.

– Анечка, милая, я прошу тебя, приходи скорее, я боюсь его, ты же знаешь, я ничего не брала!

Анечка, Анечка... Да, меня так зовут, и что дальше?! Вечно мне приходится решать все за всех.

И вдруг мне стало действительно жалко Альжбетку, я вздохнула, мысленно прощаясь с Воронцовым, и сказала:

– Скоро буду, жди меня.

– Спасибо тебе.

– А у Сольки сколько сегодня уроков?

– Вроде три, тоже обещала скоро прийти.

– Вот и ладненько, не волнуйся, мы без боя не сдадимся.

Повесив трубку, я стала собирать свою сумку. Пусть только попробует меня остановить... Заглянула в дверь Воронцова и спросила:

– А можно будет считать, что отпуск у меня с сегодняшнего дня?

– Нет, нельзя, – ехидно сказал Воронцов.

– До свидания, – буркнула я, закрывая дверь.

В душе плескались грусть и обида. Ругать за то, что я сбегаю, Виктор Иванович меня не будет, это я знаю, да и неизвестно, вернусь ли я сюда после отпуска – не хочу другого директора. Не хочу!

Когда я вышла на улицу, зазвонил мой мобильный.

– Что надо? – спросила я, думая, что это уже Солька.

– Отдохни хорошо, малышка, – услышала я голос Воронцова.

– Ладно, – вяло ответила я.

– Сверху у тебя тоже неплохой вид.

Я задрала голову и увидела Воронцова около окна. Милый! Махнула ему рукой, показала язык и направилась к остановке. Много ли надо нам, ненормальным, для счастья...

Дома у Альжбетки я застала следующую картину.

Осиков сидел в кресле с газетой в руках (откуда, интересно, у Альжбетки в квартире газета?) и совершенно бесцеремонно болтал левой ногой в воздухе, нервируя бедную хозяйку. Она теребила край скатерти, робко надеясь, что этот кошмар – все же мираж, который растает в воздухе с минуты на минуту.

– Добрый день, – отчеканила я.

Осиков вскочил, отшвырнул газету – это оказался толстый рекламный проспект, и провозгласил:

– Осиков Арсений Захарович!

Я сочувственно посмотрела на Альжбетку.

– Знаю, мы с вами уже неоднократно встречались, – тактично напомнила я. Забудешь такое, как же!

– Помню, просто теперь, я надеюсь, – Арсений Захарович заходил по комнате, – дело примет иной оборот, более официальный.

– Да будет так, – подняла я глаза к небу.

– Мне нужны мои сокровища!

Мои уши заболели.

– А с чего вы взяли, что мы имеем к этому отношение?

– В основном к этому имеет отношение она, – сказал Осиков, кивая в сторону Альжбетки, – но мне стало известно, что всем здесь заправляете вы, – он остановился и посмотрел мне в глаза, – так что будьте любезны!

Арсений Захарович развел руками, давая понять, что он все сказал и теперь дело за мной. Я по-прежнему ничего не понимала и жутко хотела конкретики. Пожалуй, надо быть более решительной и настойчивой.

– Предъявите улики, пока все, что вы говорите, это лишь пустые слова.

– С удовольствием, – оживился Осиков, чем меня сильно удивил.

Он принялся с достоинством выворачивать карманы брюк, кидая при этом весьма многозначительные взгляды на нас.

На столе оказались Альжбеткина помада, носовой платок, карточка видеопроката, квитанция об уплате за мобильный телефон, два накладных ногтя и замызганный пропуск в один из дорогих косметических салонов Москвы, на котором в правом верхнем углу была приклеена Альжбеткина фотография. Все это принадлежало когда-то Альжбетке, и если говорить об уликах, то тут мы были бессильны, нас приперли к стенке. Правда, пока что это не объясняло ничего. Пожалуй, Осикову было нетрудно узнать, где проживает наша длинноногая красавица, а до ресторана он нас скорее всего выследил. Представив, как он крался за нашими спинами, я еле сдержала улыбку.

Я посмотрела на Альжбетку.

– Да, это мое, – обрадовалась она и с трепетом стала перебирать любимые вещи, – я это все потеряла...

Альжбетка осеклась.

– Где? – поинтересовалась я.

– Там, где хранились мои сокровища! – воскликнул Арсений Захарович.

– Вы нас извините, – сказала я, – дело, бесспорно, проясняется, но нам надо уединиться на кухне, чтобы уточнить некоторые детали...

– Только недолго, – заволновался Осиков.

– Не беспокойтесь... а кто, кстати, пришел вам карман, мне кажется, он был оторван?

– О! Ваша мама, добрейшей души человек!

Я посмотрела на Альжбетку.

– Она нитки попросила, ну, я и дала, а что было делать...

Я потащила Альжбетку в кухню.

– Ты где это все потеряла? – поинтересовалась я.

– В гараже, в этом ненавистном гараже Селезнева, когда мы деньги искали...

– Точно... у тебя тогда сумка упала, и все рассыпалось...

– Ну да, я собирала все в такой спешке, вот и недоглядела...

Предыдущее приключение здорово заставило нас побегать: полагая, что искомые деньги находятся в гараже моего к тому времени умершего начальника, мы наведались туда с ревизией. Отыскав сейф, мы дико обрадовались, но только открыть его сразу не смогли и не придумали ничего лучшего, как попросту притащить его ко мне в квартиру. В сейфе денег не оказалось (там лежали только образцы пород камней – кусочки мрамора, гранита и прочая белиберда), и нам пришлось искать совсем в другом месте.

– А о каких же сокровищах он твердит? – задумалась я.

– Не знаю, не о деньгах же твоего покойного начальника.

– Ты что, к этому он вообще никакого отношения не имеет, тем более, что в гараже их не было. Пойдем, обрадуем его, что к нам частично вернулась память. Говорить буду я, а ты молчи.

– Хорошо.

В дверь зазвонили.

– Это Солька, – сказала Альжбетка.

– Иди открывай.

Осиков нервно ходил по комнате.

– Мы обсудили создавшееся положение, – начала я, кивая вошедшей Сольке, – но нам хотелось бы уточнить, где именно вы нашли эти вещи?

– В гараже, в гараже моего приятеля Вальки! Он умер, и это ужасно...

Арсений Захарович сел на диван и удрученно посмотрел на нас. Уже лучше – оказывается, мой бывший начальник некогда был его приятелем.

– А ваши сокровища хранились в гараже?

– Ну да, где им еще храниться!

– Логично... а почему вы думаете, что это именно Альжбетка их похитила?

Осиков вскочил и ловко извлек из кучки накладной ноготь.

– Это я нашел в том месте, где все и было спрятано, а это, – Осиков поднял в воздух второй накладной ноготь, – лежало вместе с остальными вещами в кучке около дивана.

Да уж, работа была проделана капитальная, этот Осиков – просто ищейка, да и только, ему бы клетчатое пальто и узенькую длинную собаку на поводке...

– В каком месте было спрятано ваше сокровище?

Осиков посмотрел на нас с явным неодобрением, ему казалось, что мы морочим ему голову.

– В сейфе, конечно, – пожал он плечами, – а сейфа там больше нет, только пыльный квадрат на полу остался.

Мы так и сели.

– Так вам камни эти нужны, – выпалила Солька, – так бы сразу и сказали!

Осиков расцвел, ему было приятно осознавать, что его наконец-то поняли и слышали.

– Камни! Да, камни, верните мне их, пожалуйста.

Сейф проживал у меня на балконе, на нем стояла старая лампа, которую мама все грозилась забрать, а мне уже давно хотелось ее выкинуть... значит, ему нужны эти булыжники, сколько возни из-за ерунды... Наверное, мой бывший начальник увлекался раскопками и географией или еще чем-нибудь в этом роде, если набил свой сейф природными материалами.

– Пойдемте, – сказала я, – сейф у меня на балконе, мне его Валентин Петрович на хранение отдал, говорит: «Пусть у тебя постоит, а то я ремонт в гараже затеял».

– Так вы знали Вальку?! – воскликнул Осиков, пытаясь меня обнять.

Я тактично отстранилась и сказала:

– Вообще-то, это мой бывший начальник, мы работали вместе, пойдемте, я отдам вам камушки.

На балконе было свежо, и я с удовольствием глотнула прохладного воздуха. Этот суетливый Осиков измотал меня просто до невозможности.

– Забирайте своего железного друга, – сказала я, указывая на ладненский сейф, который мы с таким трудом втащили сюда.

Осиков вдруг изменился в лице, бросился к сейфу, распахнул его и... стал выбрасывать коробочки с камнями, как будто это ненужный хлам...

Нашему удивлению не было границ. Еще недавно этот человек трепетно называл эти булыжники сокровищами... теперь же было похоже, что он интересуется совсем другим и камни для него не имеют никакого значения...

Выкинув почти все на пол, Арсений Захарович углубился в изучение старых потрепанных журналов.

– Простите, – начала Солька, – но разве это не то, что вы искали?

Она указала на кучу прозрачных коробочек с булыжниками разной величины.

– Нет, что вы, это просто камни, детские забавы, никому не нужная коллекция...

– Но вы же кричали – отдайте мне мои камни, – напомнила я.

– Ну да... не мешайте...

Осиков продолжал копаться в журналах, он листал их, тряс, рассматривал газетные вырезки и какие-то схемы, казалось, он не видит и не слышит нас. Из одного журнала выпала заляпанная карта. Осиков вскочил и заметался. Я убрала светильник с сейфа, и он смог расстелить карту.

– Вот! – воскликнул он, тыкая в какие-то леса и поля, – здесь мои камушки!

Мы переглянулись: надежда на то, что он умственно здоров, опять начала таять как дым.

Свернув карту, Осиков сказал:

– Я пошел, спасибо.

– Идите, – кивнула я.

Маленький мужчина зашагал в коридор, мы остались на балконе.

– Что-то мне это не нравится, – сказала Солька.

– Мне тоже, – прошипела Альжбетка.

Я промолчала: дверь квартиры была закрыта, а ключи лежали в моем кармане.

Осиков вернулся и с недоумением посмотрел на нас.

– Там закрыто, – сказал он.

- Я знаю.
- Так откройте, – пожал плечами Арсений Захарович.
- И куда вы пойдете? – спросила я, чувствуя, что на моем балконе хранилось нечто большее, чем горсть отбитых камней.
- В лес, по карте, – сообщил Осиков.
- Один? – вопрошала я. – А вы волков не боитесь?
- Арсений Захарович вдруг побледнел.
- Вы же никому не скажете, что я здесь был? Так?
- Я почувствовала, что затронула болезненную тему...
- Значит, эти камни, – я указала на пол, – не являлись пределом ваших мечтаний, значит, вас интересует кое-что другое?
- Вы можете нам довериться, – душевно пропела Солька, – мы и так уже знаем очень много, – добавила она уже другим тоном.
- Я предлагаю вам рассказать нам все. Вы как на это смотрите? – спросила я.
- Арсений Захарович помедлил, вытер выступивший на лбу пот, тяжело вздохнул и сказал:
- Согласен, тем более, что мне одному, наверное, не справиться.

Глава 3

Мы узнаем многое, но я уверена, что не все

Предвкушая нечто интересное, мы удобно расположились на диване и приготовились слушать.

– Не так давно... – начал Осиков, но я тут же его перебила:

– Сколько лет назад?

– Девять... – смутился Арсений Захарович, – я был вынужден уехать на какое-то время...

– Куда? – поинтересовалась Солька.

– Вы что, будете меня все время перебивать? – возмутился Осиков, вскакивая с кресла.

Альжбетка своим профессиональным томным взглядом усадила его на место.

– Поймите, Арсений Захарович, нам нужна полная картина происходящего, только тогда этот разговор имеет смысл.

Я уважительно посмотрела на Альжбетку, Солька победно закивала.

– Так где вы провели эти девять лет? – поинтересовалась я.

– В тюрьме... – взвизгнул Осиков, – но это ничего не значит, в те времена очень многие интеллигентные люди оказывались взаперти!

Мы переглянулись.

– Я приблизительно догадываюсь, за что сидели в тюрьме интеллигентные люди, но хотелось бы поподробнее узнать вашу причину пребывания за колючей проволокой.

Арсений Захарович тяжело вздохнул и сказал:

– Бриллианты.

– Что?! – воскликнула Солька.

– Вот это да.... – протянула Альжбетка.

– Это весьма свойственно интеллигентным людям того времени, – улыбаясь, сказала я.

– Напрасно, напрасно вы думаете, что я украл их, вовсе нет, я занимался бизнесом, это сейчас так называется? – поинтересовался Осиков.

– Так, так, вы рассказывайте, – торопила Солька, глаза ее горели.

– Мы скупали бриллианты, которые производили из краденого якутского сырья...

– Вы сказала «мы», давайте подробнее, – попросила я.

– Я и мой напарник... он умер в тюрьме... и все по праву принадлежит мне!

– Конечно, конечно, – закивала Солька.

– Когда мы уже вложили достаточную сумму денег и решили начать новую жизнь, тут-то и пошли все наши напасти...

– А сколько было бриллиантов? – поинтересовалась Альжбетка, уж она-то в этом точно разбирается. Любовники всегда проходят жесткий конкурсный отбор и впоследствии балуют ее, чем только могут. Альжбетта в запросах скромна, но требовательна.

– Мешочек, – смутившись, потупив взор, сказал Осиков.

– А в денежном эквиваленте? – строго спросила Солька, собрав в кучу весь свой словарный запас.

– Я не знаю... я же в тюрьме сидел... но так прикинул... сейчас это где-то два миллиона долларов... там много крупных камней...

– Маловато будет, – сказала Солька.

– Да вы что, это же такие деньжищи! – возмутился Арсений Захарович.

Он, бедный, не знал, что еще совсем недавно мы пытались украсть на миллион больше.

Я «загасила» Сольку взглядом и спросила:

– А где вы брали средства на покупку этих крупных бриллиантов?

Арсений Захарович сцепил пальцы и резко дернул головой.

– Мы немного воровали... вагонами...

Я прикрыла глаза, представляя, как Осиков интеллигентно ворует что-то вагонами.

– Вы же говорили, что занимались только бизнесом и не брали чужого? – уточнила я.

– Я сказал, что бриллианты мы не воровали, а все остальное... я вообще не буду ничего рассказывать, – надулся Арсений Захарович.

– Обещаем вас больше не перебивать, – сладко улыбнулась Альжбетта.

– Мы с напарником работали на железной дороге, я был начальником станции, а Служаков, фамилия у него такая, – помощником, грузы разные шли... мы вроде сначала брали понемногу, а потом дело как-то быстрее пошло... Я до этого в училище преподавал историю...

Еще один преподаватель на мою голову. Я посмотрела на Сольку: могла бы, интересно, она воровать вагонами?..

– Но училище наше закрыли, городишко-то маленький, вот и сделался я почти сразу начальником на станции, там все и закутилось...

– Ну, с вашим интеллигентным прошлым более-менее понятно, а теперь расскажите, как все это оказалось в сейфе, который сейчас стоит у меня на балконе.

– Так Селезнев приятелем моим был... вот ведь, умер уже...

– Не отвлекайтесь, – торопила Солька, капая слюной на пол от жадности.

– Мы уже знали, что наши противозаконные действия почти раскрыты, так что сели в проходящий мимо поезд на Москву, и все – прощайте, родные края. Приехали – и мечемся по платформе, куда податься, не знаем. Очень боялись, что по нашему следу милиция уже идет. Я тут про Селезнева и вспомнил, думаю, Валька поможет, мы с ним по молодости в походы ходить любили, это потом уже жизнь раскидала...

– Он, значит, вам помог? – постаралась направить разговор в нужное русло Альжбетта.

– Ну да, я ему позвонил и спросил, не мог бы он у себя мою диссертацию попридержать, ну, как будто я уезжаю ненадолго, а она у него постоит. Мы с напарником подумали, что, пока наши сокровища побудут в надежном месте, мы пару месяцев в городе побродим, заметем следы, а потом уж и заживем честной жизнью.

Я просто умилилась, глядя на этого невозможного человека.

Осиков почесал нос и добавил:

– Вальку-то мы не хотели особо впутывать, вдруг бы у него неприятности начались, вот я и ляпнул про диссертацию, и тут такая удача! Он, оказывается, едет в отпуск охотиться и рыбу ловить, и уже на чемоданах сидит. У нас домик охотничий был, по молодости часто куролесили – развалюха, но жить можно... далековато, двое суток на поезде и пешком полдня, зато там речка, хочешь, рыбу лови, хочешь, купайся, капканы когда-то ставили...

– Вы не отвлекайтесь, – гнула свою линию Солька.

– Ну вот, он в те края и направлялся, у него поезд через три часа был. Мы решили, что лучше и не придумаешь. Бриллианты у нас в мешочке в коробке лежали. Я купил журналов, у меня еще тетрадка с лекциями в рюкзаке завалялась, мешочек на дно, а сверху все бумажной ерундой завалил, коробку на вокзале в холщовый мешок обандеролили, печать сургучную поставили. Коробка-то небольшая вышла, она Вальке не в тягость бы была. Встретились мы с Валькой часа через полтора, я ему коробку передал и попросил сохранить до времени. Он сказал – возьму с собой, там, в доме оставлю, никому мешать не будет, не возвращаться же из-за нее. Поболтали мы немного, выпили, вспомнили, как раньше охотились... Он уехал, а нас через два часа недалеко от вокзала в пельменной арестовали...

– Ну а сокровища-то ваши где? – нетерпеливо спросила Солька.

– Так лежат они, голубчики, где-то в лесу, – Осиков протянул нам карту, – Валька обратно в Москву поехал, да коробку мою не взял, спрятал в доме и забыл про нее. Я не объявлялся, он и не вспоминал о ней. А недавно я ему позвонил, дело-то уже к освобождению шло, про

диссертацию напомнил, так он ответил – не волнуйся, все нормально, жива, мол, твоя диссертация, только вот ехать за ней надо... А я в этом охотничьем домике лет тридцать не был, я и дороги туда не помню. Валька пообещал, что вместе поедет, и он мне все покажет. Но я так разволновался, ведь все эти годы только о бриллиантах и думал, это же мой шанс начать новую жизнь.... Я спросил на всякий случай, где хоть приблизительно домик этот. Валька посмеялся и сказал, что у него в гараже, за домом, сейф стоит со всяким барахлом, там старая карта валяется, не заблудимся... А коробку Валька надежно припрятал, в лесу кабаны, да и охотник какой заглянуть может, успокоил меня... Он и в гости звал, адрес написал... Приехал я, а тут такое... его и в живых нет! Я забежал, засуетился, все узнал, ночью в гараж этот полез, а там ничего и нет, кроме вот вещичек вашей обворожительной подруги.

Альжбетка расплылась – сплошное удовольствие.

– Это что же, нам надо ехать туда? – поинтересовалась Солька.

Арсений Захарович раскрыл карту и показал нам витиеватые дороги, речки и зеленые пятна леса.

– Вот, где-то здесь, – ткнул он пальцем в черный крестик, нарисованный когда-то Селезевым.

Вот ведь ирония судьбы – Селезев и не знал, какие богатства хранит.

Солька забежала по комнате. Я в недоумении смотрела на нее, пытаюсь понять ход ее мыслей. Наконец-то она нашла чистый лист бумаги и ручку, села и начала что-то писать.

– Ты чем это там занялась? – поинтересовалась я.

– Увольняюсь, – пробормотала она, – тут такие дела творятся, увольняюсь, и точка...

Подобное известие нас с Альжбеткой шокировало, мы знали, как трепетно Солька относится к своей школе, а главное, к оранжерее, в которой она уже несколько лет выращивает лютики.

– Ты хорошо подумала? – спросила я.

– Два миллиона долларов, чего тут думать, – пыхтя над заявлением, ответила Солька.

Я повернулась к Арсению Захаровичу.

– Значит, вы берете нас в дело?

– Беру, – решительно кивнул он, – с вами мне как-то спокойнее.

Я чувствовала, что есть небольшая загвоздка, о которой наш новый друг явно умалчивает.

– А что вообще может тут беспокоить, поехали да и взяли свои сокровища?

– Как-то волнительно одному с такой суммой...

Я не стала выпытывать все подробности, а решила договориться о нашей доле – сейчас он размяк, и самое время делить шкуру неубитого медведя.

– И какую часть вы готовы отдать нам? – поинтересовалась я.

Солька замерла и перестала писать свое заявление.

– А сколько вы хотите?

Это хороший вопрос, наглеть не стоит, но и упускать такой шанс нельзя.

Девчонки посмотрели на меня. Я собрала мозги в кучу и сдвинула брови.

Еще недавно мы обсуждали идею открытия своего дела, вот к этому, решила я, и надо стремиться. Полученные от бриллиантовых сокровищ деньги делить мы не будем, с их помощью мы шагнем на новую ступень.

– Сорок процентов, – сказала я.

Девчонки посмотрели на меня с изумлением: уверена, они думали, я скажу пятьдесят. И я бы сказала, но что-то во мне екнуло: все же Осиков сидел девять лет в тюрьме, могу я ему сделать щедрый подарок в виде нескольких процентов?

– Но я полагал, – опять вскочил Арсений Захарович, – что десяти процентов будет достаточно!

Я усмехнулась. Ну почему мы всегда берем на себя самую ответственную работу, а платят нам только десять процентов? Посмотрела на Осикова – он нервничал, но не из-за той ставки, которую я заломила: было и что-то еще.

– Сорок процентов, – твердо сказала я, – всех поздравляю, торги закончены.

Осиков, сраженный, плюхнулся в кресло и опустил плечи.

– Не падайте духом, все расходы на это путешествие мы берем на себя, – приободрила я его, – теперь давайте оговорим условия. Вы, Арсений Захарович, больше не бегаєте по земному шару и не кричите на каждом углу о своих сокровищах, и вообще, это касается всех.

Я посмотрела на каждого и получила утвердительные кивки.

– Едем уже завтра, нечего тянуть, сейчас займемся изучением маршрута. Вещей берем минимум.

– Там километров двадцать – двадцать пять пешком идти, – сказал Осиков.

– Это в те времена, – отмахнулась Солька, – я уверена, что сейчас там уже метро проложили.

В дверь позвонили, и я пошла открывать. На пороге стоял Славка. Посмотрев на свою обожаемую училку ботаники, он протянул:

– Соля, ты скоро?

Ударение в ее имени он сделал на последний слог, ах, как это мило...

– Соля уезжает, – злорадно сказала я и добавила для большего удовольствия: – надолго.

– Это еще зачем? – спросил удивленный Славка.

Стесняясь и явно не зная, что говорить и делать, Солька засуетилась. Встала, села и икнула.

Я посмотрела на Осикова, на его нервно подергивающийся глаз, потом посмотрела на Славку, на его рослую фигуру и крепкие руки и поняла, что Сольке положено свадебное путешествие.

– Знаешь что, Славка, – начала я, – Солька – наша лучшая подруга, а о тебе мы не много знаем, так что, пожалуй, пришло время поближе познакомиться. Собирай свои вещи, мы едем заниматься групповым туризмом и нам как раз не хватает для этого дела вот такого плечистого партнера.

Осиков посмотрел на меня чуть ли не с благоговением, по всей видимости как вожак стаи я была хороша, а Славка как страж – еще лучше. Зачем же ему столько охраны... Вот в чем вопрос!

– Куда это мы едем? – пробубнил Славка.

Солькиной радости не было предела, она вытолкнула Славку в коридор, чмокнула меня в щеку (терпеть не могу эти слюни) и, убегая, сказала:

– Спасибо, век не забуду!

Яхватила ее за руку и прошептала:

– Надеюсь, ты понимаешь, что лишнего болтать не надо!

– Конечно, – уверенно кивнула Солька.

То, что касается денег и разного рода богатства, тут она сечет на раз.

Жизнь завертелась и закружилась.

Я села изучать карту, Альжбетка время от времени бегала к себе копаться в Интернете, выискивая изменения на местности. В конце концов мы определились с пунктом назначения, и Осиков с Альжбеткой поехали покупать билеты.

Арсений Захарович отказался переночевать у меня – странно, он как-то смутился, когда я это ему предложила, и сказал, что у него свои планы на вечер и что он не хочет приходить поздно, и еще нагородил всякую ерунду...

Я не стала напирать, дело его, в конце концов, и мы просто договорились встретиться в назначенное время около нашего четвертого вагона.

Новый день стал для меня каким-то волнительно-приятным, было такое чувство, как будто я еду в пионерский лагерь. Прихватив легкий рюкзачок, упакованный с вечера, я отправилась собирать всю команду.

Взять с собой Славку было отличной идеей, я видела, как светятся Солькины глаза, и к тому же он нес все наши вещи.

– Какая у нас платформа? – поинтересовалась Солька.

– Я не люблю поезда, надо было самолетом, здесь так пахнет, – возмущалась Альжбетка, наперекор всему цокая высоченными каблучками.

– Поезд наш уже стоит, давайте веселее, где там этот Осиков?

Арсений Захарович стоял около четвертого вагона. Он был по-прежнему излишне полноват, и по-прежнему его волосы были накрепко приклеены гелем к голове, в нем было все, как всегда, все как обычно... вот только он был не один... за руку он держал мою маму...

Ноги сразу подкосились, и, будь я не так закалена жизненными трудностями, я бы рухнула на перрон или, того хуже, возомнила бы себя Анной Карениной и забегала бы по вокзалу в поисках прибывающего поезда, но я не могу позволить себе такую роскошь...

– Мама, а что ты здесь делаешь? – поинтересовалась я стальным голосом.

– Я еду с вами, – улыбнулась она, – Арсений Захарович любезно пригласил меня попутешествовать с ним.

Ах ты, толстый енот, ах ты, улитка скользкая, ах ты, жук колорадский, ах ты, саранча на початке кукурузы... ах ты, негодный Арсений Захарович...

Осиков потупил взор, понимая, что о подобном предупреждают заранее, лучше письменно, в трех экземплярах, чтобы рвать и метать, рвать и метать...

– Очень приятно, что вы поедете с нами, Мария Андреевна, – будто чокнулась от радости Солька.

– Все по вагонам, – скомандовала я, не сомневаясь, что моя мама уже не один час прижимает к сердцу билет на поезд и что никакими клещами у нее его не вырвать.

Осикова я схватила за рукав и прошипела:

– Надеюсь, вам хватило ума не рассказывать всего моей разлюбезной маман?

– Нет, что ты, – замотал он головой, – как бы я сказал столь удивительной и прекрасной женщине, что сидел в тюрьме?

– Уже лучше, – прошипела я, слабо понимая, кого это он сейчас назвал удивительной и прекрасной.

Глава 4

Мы едем, едем, едем...

Когда мама стала выкладывать на откидной столик копченых кур, зелень, помидоры и прочую вкуснятину, я посмотрела на нее с изумлением. Не то чтобы моя мама раньше прохладно относилась к продуктам питания, но чтобы вот так, среди белого дня позаботиться о ближнем своем... Это заслуживало моего удивления.

Я с уважением посмотрела на Осикова. Так вот каким человеком надо быть, чтобы моя мама среагировала должным образом!

Осиков с улыбкой на лице поглядывал в окно и, по всей видимости, даже и не предполагал, какое счастье на него свалилось. Что там бриллианты, когда теперь на свете есть человек, который с трепетным беспокойством мечтает только о нем.

Я еще раз покосилась на копченых кур, вздохнула и спросила:

– А как так получилось, что на вокзале вы оказались вместе?

Я догадывалась о четком мамином плане, но все же хотелось услышать обо всем из первых уст.

– Вчера мы познакомились с Арсением Захаровичем, – начала мама, – ты же сама была свидетелем этой судьбоносной встречи!

– Вот мне интересно: чем это она так судьбоносна?.. – скривилась я.

– Не так часто, знаешь ли, встретишь образованного и душевного человека в наше время. Арсений Захарович – тоже преподаватель, и это нас сблизило просто мгновенно.

Осиков, все так же улыбаясь, закивал в подтверждение маминых слов. Я заметила, какие взгляды кидает на курицу Славка, и решительно отломил от нее коричневую ногу, дополнила это помидориной и протянула нашему... я не успела придумать, как бы мне посимпатичнее назвать Славку, я не успела оценить блеск его глаз при виде приближающейся к его рту курицы, как моя мама спросила:

– А вы и есть жених Ефросиньи?

– Ешь, – скомандовала я Славику, и он машинально набил рот курицей.

Временно как собеседник он был обезврежен.

Дело в том, что однажды я немного наврала маман про Славика, сказала, будто у него свой бизнес в виде лесопилки (как-то не хотелось говорить, что он выпиливает гробы) и что скоро он женится на нашей замечательной училке.

– Да, жених, – хладнокровно выдала Альжбетка, жуя веточку петрушки.

– А где находится ваша лесопилка? Арсений Захарович, представьте себе, у Вячеслава своя лесопилка.

Осиков побледнел: было понятно, что еще совсем недавно он сам пилил лес.

– Мне кажется, мама, вы соскочили с темы, – угрожающе вертя в руках огурец, сказала я.

– Что? – переспросила она.

Надо было спасать Сольку и Славу.

– Я так и не поняла, как так оказалось, что мы едем в одном вагоне?

– Ох! Я же не все рассказала... – всколыхнулась моя мама, – пока ты была на работе, мы пообщались и о многом поговорили с Арсением Захаровичем и договорились встретиться вечером.

Осиков покраснел и нервно посмотрел на меня.

– Так вот что за важная встреча сорвала вас с места, – усмехнулась я.

Осиков покраснел еще больше. Тот еще жук!

– Мы прекрасно провели время, гуляя по парку, – продолжила мама, – там вкратце я узнала о ваших планах, а я так давно не была на природе!

– И, конечно же, Арсений Захарович был так мил, что не сумел отказать тебе в этом маленьком удовольствии, – проворчала я, сверля Осикова гневным взглядом.

– Разве такой замечательный человек может огорчить женщину, – кокетливо пропела маман.

Может, ибо он огорчил меня.

В купе было жутко тесно, а есть мне вовсе не хотелось, так что я вылезла в коридор, открыла окно и стала наблюдать за мелькающими передо мной деревьями.

Вообще-то мне хотелось, чтобы Славка был в нашем купе, а мама с Осиковым в отдельном, но это было нереально... Теперь придется ехать почти двое суток с мамой... Есть ли справедливость на свете?

Я приоткрыла дверь и спросила:

– Мама, а если у вас с Арсением Захаровичем так много общих тем и вам так приятно находиться друг с другом, может, мы возьмем к себе Славку на растерзание, а вы там устроите педсовет в своем купе?

– Что ты, – возмутилась мама, – жених и невеста не могут проживать вместе до свадьбы!

– А что, – обалдела я, – вы с Арсением Захаровичем уже обручились?

Мама гневно жала губы.

– Я говорю про Ефросинью и Вячеслава.

Солька поперхнулась курицей, а Славку, мне кажется, просто пробил холодный пот.

– Я лично собираюсь не спать всю ночь, чтобы следить за нравственностью в этом отдельно взятом купе, – напирала я.

– Это исключено! Мужчина всегда добивается своего, а невеста потом плачет у алтаря в одиночестве, – сказала мама и закрыла перед моим носом дверь.

Ладно... ладненько... дорога длинная, а память у меня хорошая... Эх, а так все чудесно могло получиться.

Нам вообще как-то повезло: поезд полупустой, никто не бежит, не суетится, а в купе у Славки и Осикова даже нет соседей, будут там куковать вдвоем.

Решив себя развлечь, я отправилась изучать план остановок. Хлопнула дверь, и в вагон вошел мужчина, лет на пять постарше меня. Он был неряшливо одет и все время оглядывался по сторонам, хотя в пустом вагоне вести себя так было как-то странно. Я делала вид, что изучаю информацию, сама же косила в сторону вошедшего мужчины.

Увидев, что, собственно, никого нет (я была не в счет, видно, хорошо слилась с интерьером), он медленно дошел до купе Арсения Захаровича и Славки и ловко скользнул за дверь.

Я бы, конечно, начала махать руками в воздухе, вызвала бы пожарных, милицию и «Скорую помощь», но, собственно, зачем... в этом купе не было никаких вещей, ничего интересного – пусто. Наши сумки находились под чутким оком маман в другом купе, там, где сейчас с большим аппетитом поедалась копченая курица.

Мужчина, слегка дергая плечом, вышел в коридор, разочарование застыло на его лице – нарушение границы не принесло желаемых результатов. Я продолжала смотреть на расписание, проговаривая про себя названия станций: Зеленая, Садовая, Мхи, Средняя Луговая...

Пожилая женщина, охая, вышла из последнего купе и, недобро посмотрев на незнакомца, заворчала. Мужчина направился в мою сторону, чтобы покинуть вагон тем же путем, каким и появился.

– Где же он, где же он... – услышала я за спиной его шепот.

Дверь опять хлопнула, и неопрятный мужчина направился в соседний вагон.

Значит, все просто, говорите, Арсений Захарович: приедем, найдем и уедем, и мамочку мою прихватили для душевной прогулки... ага, как же, не зря вы нам сорок процентов не пожалели... Уж мамочка моя вам с рук не сойдет...

Этот тип точно искал Осикова! Узнал, в какое купе тот купил билет, и приходил его проведать, вот только ему в голову не могло прийти, что Арсений Захарович окружил себя немалочисленным обществом и сейчас совсем неподалеку, под трепетным взглядом моей родительницы, сидит и лопаёт помидоры и курицу.

Итак, у нас нарисовался враг.

Мама активно стелила постель, рассуждая вслух обо всем на свете одновременно. Мужчины удалились к себе, Альжбетта с Солькой понуро сидели рядышком, вздыхая и поглядывая на меня. Я стояла у двери, создавая дополнительную тесноту.

– А все же приятный этот человек, Осиков, – говорила моя мама, – преподаватель. А чай нынче в поездах гадкий, надо было взять заварку из дома. Альжбетта, ты все еще одна?

– Мама, ты об этом будешь спрашивать каждую неделю?

– Нет, каждый день, потому что вы за своими гулянками забываете, в чем состоит долг женщины.

– А в чем он состоит? – опрометчиво поинтересовалась Солька.

– Родить как можно больше детей, – четко ответила моя мама. Приподняла правую бровь и фыркнула.

– Ну и как? – вздыхая, спросила я. – Тебе удалось выполнить свой долг?

– У меня еще вся жизнь впереди, – официально заявила маман.

Я села рядом с девчонками и уставилась в окно.

– Все же превосходно, что мы едем на природу, как мне надоели эти санатории, там все равно не лечат, а какой там контингент, фу... А где мы будем жить? – вдруг мама задала уместный вопрос.

Я так понимаю, что, отправляясь за тысячу километров от дома, она раньше об этом и не задумывалась: ох, чует мое сердце, называть мне Осикова папой!

Собственно, растягивать путешествие мы не собирались, предполагалось, что мы переночуем только одну ночь в охотничьем домике (почему-то нам казалось, что бриллианты будут найдены в первый же день), а затем повернем обратно.

– Там неподалеку есть туристическая база, – сказала Альжбетта, – я в Интернете нашла на всякий случай.

Я с уважением посмотрела на Альжбетку.

– Интернет... знаю я этот Интернет, знаю, чем вся молодежь там занимается.

– И чем же? – поинтересовалась я.

– Туда заходишь, – сказала мама, надевая наволочку, – и просто падаешь.

– От чего? – изумилась Солька.

– От разврата, конечно, – негодуя пожала плечами моя мама, – там все делают что хотят.

Чтобы прервать эти безумные разговоры, я толкнула Альжбетку и сказала:

– Стели постель, а мы пока с Солькой в коридоре потолкаемся.

Альжбетта лихорадочно вскочила и, путая простынку с пододеяльником, стала натягивать на матрас совсем не то, что полагалось.

Поезд, постукивая колесами, прокладывал путь к нашей цели.

– Твоя мама, это просто... – поперхнулась словами Солька.

– Скажи спасибо Арсению Захаровичу, его инициатива.

– Может... ее как-нибудь вернуть?

– Разрешаю тебе заняться этим, – скептически скривилась я.

– Меня утешает только то, что путешествие не займет много времени, найдем этот шалаш, заберем сокровища, а как вернемся, сразу же откроем свое дело, ты же уволишься теперь?

– Что значит теперь? – поинтересовалась я.

– Ну, – замялась Солька, – теперь, когда Воронцов ушел, зачем тебе работать секретаршей на чужого дядьку? Прошу тебя, давай займемся своим бизнесом, у нас получится.

– Уволюсь, – кивнула я, стараясь не показывать Сольке навалившуюся тоску.

Ах, Виктор Иванович...

– Вот и отлично! Значит, уже скоро в Москве появятся три свободные от забот бизнес-леди!

– Бриллианты надо еще найти и довести до дома, – сказала я, – пока вы тут лопали курицу, я кое-что видела.

– Что?

– Какой-то тип заходил в купе Арсения Захаровича. Сдается мне, не все так чисто в рассказанной им истории – не очень я доверяю интеллигентам, ворующим вагонами.

– Какой еще тип? – не поняла Солька.

– Неряшливый и не слишком хорошо пахнущий, – ответила я, – пришел из соседнего вагона, я вон там стояла, – я махнула рукой в сторону расписания.

– И что?

– Ты меня слушаешь? Он хотел видеть Осикова и залез в его купе.

– А откуда ты знаешь, что он не просто так здесь шатался? – зашептала Солька, открывая окно. Видно, от новости, которую я сообщила, ей стало душно.

– Поверь мне...

– Опять твоя интуиция? – ехидно спросила Солька.

Ох, как же ей не хотелось верить в то, что у нас могут быть проблемы, ох, как же не хотелось!

– Представь себе, интуиция, – тихо сказала я, – он крался, потом бормотал – «где же он, где же он». Этот тип искал конкретного человека, а кого можно искать в одном из наших купе, Славку, что ли?

– Может, ты и права, – задумалась Солька, – а что теперь делать?

– Ничего, надо быть бдительными. При случае расскажем о незнакомце Альжбетке, и будь осторожна с моей мамой, у нее уши улавливают любое колебание воздуха.

– Скорей бы все это закончилось, – вздохнула Солька. Можно не сомневаться, что в мыслях она уже ласкала переливающиеся бриллианты, выстраивала их в ряд и блаженно закатывала глаза.

– Приехать на место – не такое уж и важное дело, надо еще найти коробку Осикова.

– Не думаю, что этот домик большой, отыщем.

– Мы даже не знаем, зарыта она или просто убрана, – покачала я головой.

– Будем надеяться на твою интуицию, – захихикала Солька.

– Будем, – серьезно ответила я.

Глава 5

День сплошного туризма заканчивается шоком; мы в раздумьях

Дорога пролетела незаметно, и если бы не удручающие взгляды на жизнь моей оригинальной маман, можно было бы сказать, что все прекрасно.

Неряшливый мужчина больше не появлялся, а мои прогулки по вагонам не дали никакого результата: я его нигде не встретила. Скорее всего, он всю дорогу сидел в своем купе.

– Ах, как приятно твердо стоять на земле, а не трястись в вагоне, – сладостно пропела Альжбетка, раскинув руки в стороны.

– Бери свой чемодан, – сказала я, – пойдем искать метро, помнится, нам его Солька обещала.

Кругом наблюдалась совершеннейшая красота. Погода была солнечная, а деревья, трава, цветы – все это казалось таким... живым, что ли... Короче, природа, она и есть природа.

– Давайте свои сумки, – сказал Славка и с ловкостью избавил нас от половины багажа.

Мама надела желтую панаму в коричневую клеточку, важно оглядела окрестности, подергала носом, точно пытаясь распознать витающие в воздухе ароматы, и спросила:

– Где здесь можно поймать такси?

Перегнувшись через перила перрона, я увидела телегу, запряженную лошастью, и сказала:

– Надо спуститься вниз, такси уже ждет.

Мы всем цыганским табором направились к лестнице, бодрость и непонятная радость растекались улыбками на наших лицах.

На телеге сидел приятный старикашка и курил самокрутку.

– Доброе утро! – приветствовала я его.

– Добренько вам, – ответил старичок.

– Нам в сторону деревни Луковка, не подскажете, где здесь автобусная остановка?

– Подскажу, – сказал старикан, глубоко затягиваясь, – вон там.

Мы дружно обернулись.

Около сломанного дерева стоял старый ржавый малюсенький автобус с выбитыми окнами и покосившимися дверьми. Люблю хорошие шутки!

– Это что? – спросила я.

– Последний автобус на вашу деревню.

– Так он же дохлый! – предъявила я вескую претензию.

– Как есть дохлый, уж года три, как откатал свое. Погиб смертью храбрых, светлая ему память.

– Нам бы другой, – отпихивая меня в сторону, сказала Солька.

– Так другого нет, – пожал плечами наш собеседник.

– А как же нам добраться до Луковки? – с надеждой в голосе спросил Арсений Захарович.

– Так нет вашей Луковки, уж, почитай, года два нет, а может, и более.

Мы дружно издали стон отчаяния и сплотили ряды – скучковались и жалобно посмотрели на старичка.

– А что есть? – поинтересовалась я, надеясь хоть на какие-нибудь остатки цивилизации.

– В тех краях теперь по одну сторону дома брошенные, местами головешки только и остались, а по другую сторону туристы, – дед усмехнулся, – потешный народ приезжает, рыбы уж давно нет, самая малость рыбы-то осталась, а они налегке... Приедут – и давай сети кидать, так голодные и сидят.

– Что, совсем рыбы нет? – забеспокоился Славка, который взял с собой удочку.

– Я ж говорю, малость есть, но не прокормишься.

Альжбетка нервно заходила около лошади, той это не понравилось, она фыркнула и заржала. Длинноногая красавица взвизгнула и, не скрывая навалившегося на нее страха, отскочила за надежную спину моей мамы и там замерла, изредка шмыгая носом.

– Значит, люди там живут? – уточнила я.

– Живут, куда им деться, да и магазинчик раз в неделю приезжает – терпимо.

Старичок казался мне странноватым, но поговорить толком было больше не с кем.

С поезда мы сошли вроде одни, я смотрела на перроне, не прошмыгнет ли тот неряшливый мужчина, но с этими вещами и охающей маман все же пару раз отвлеклась.

Сейчас же в радиусе километра у нас точно был только один собеседник, и он находился перед нами.

– А как туристы добираются до этой базы? – поинтересовалась я.

Мой вопрос взбудрил Альжбетку, она вновь вышла на передний план и даже схватила за край телеги.

Старичок добродушно улыбнулся и ответил:

– Пешком, на то они и туристы.

Альжбетка ахнула.

– Я же говорил, что далеко идти, – сказал Осиков, и моя мама посмотрела на него с любовью и уважением.

– Так туда целый день топать, – тяжело вздохнула я.

– Поменьше будет, – покачал головой дед. Он немного подумал, затушил окурок и добавил: – Часам к шести дойдете.

– А сейчас сколько? – поинтересовалась Солька.

– Восемь, – выдохнула возрастающее отчаяние Альжбетка и посмотрела на свои туфли с вечным десятисантиметровым каблуком.

– А почему деревня вымерла? – поинтересовалась я.

– Так молодежь в город, как и положено, подалась, а наш стариковский век недолог. Да вроде там скоро санаторию построят, там еще три дома из богатых есть, вроде они к санаторию дела имеют.

– Понятно.

Значит, до Луковки мы в лучшем случае дойдем к шести, но нам надо еще в сторону где-то с километр пройти – домик наш стоит на отшибе в лесу.

– А давайте вы нас подвезете, а уж мы в долгу не останемся, – предложила я, с надеждой глядя на старичка.

Он почесал затылок и сказал:

– Моя лошаденка вас не потянет, да и мне совсем в другую сторону.

– Тогда вы вещи повезете, а мы рядом пойдем, – вмешался Славка.

– Никак невозможно, – закачал старикан головой, – мне в свою деревню надобно, я в Рыбацкой живу, вот сейчас продукты привезут, я нашим бабам куплю, что заказывали, и обратно.

– Мы вам хорошо заплатим, – пообещал Осиков, приглаживая липкие волосины на голове.

Он хорошо заплатит моими деньгами – молодец! Надо стащить у него банку с гелем, а то стыд и срам ходить с такой прической.

– Нет, – решительно отказался старикан, – вот дорога, по ней и идите, не заблудитесь. Гулять даже полезно, это я вам говорю, как долгожитель здешних мест.

Уточнять, сколько ему лет, я не стала, посмотрела на дорогу и скривилась – не очень-то хорошее у нее состояние.

– А как же санаторий, ведь машины до него как-то добираются?

– Это вам надо было еще одну остановку на поезде проехать, там шоссейная дорога, транспорта много.

– Значит, мы дождемся следующего поезда и проедем эту необходимую остановку, – садясь на чемодан, сказала моя мама. Она стала усиленно обмахиваться панамой и кокетливо поглядывать на Арсения Захаровича.

– Ждите, – пожал дед плечами, – следующий часам к семи вечера будет.

Я зло посмотрела на Осикова – это он по старой памяти распорядился выходить именно здесь. К сожалению, краска стыда не залила его пухлое лицо.

– Спасибо большое, – поблагодарила я старикана и повернулась к группе новоиспеченных туристов, – берем вещи и топаем по дороге.

– Но может, есть какое-то другое решение?! – взмолилась Альжбетка.

– Есть, – сказала я, – ты можешь остаться на перроне и ждать нашего возвращения.

Конечно, проторчать здесь до вечера было не самым плохим вариантом, но на слова деда надеяться нельзя. Он с этим шоссе мог что-нибудь напутать. Приедем вечером на следующую станцию и будем, как слепые, в полутьме вышагивать... лучше уж идти по карте, да и Осиков, надеюсь, что-нибудь еще помнит. К тому же мне не давал покоя тот неряшливый тип. Сейчас его поблизости вроде нет, и можно надеяться, что пеший поход поможет нам затеряться в лесу.

Распрощавшись с нашим собеседником, мы направились к дороге, ведущей к сокровищам.

Славка, нагруженный тюками и чемоданами, шел впереди, за ним практически налегке с рюкзачком топал довольный Осиков. Не знаю, чему он так радовался, наверное, тому, что он оказался прав и нам все же придется пройти целую кучу километров, как в его старые добрые времена. Мама почему-то шла за руку с Солькой, та не особо сопротивлялась, скорее, просто смирилась с судьбой. Альжбетка плыла впереди меня, дабы я могла проследить, чтобы она не потерялась в лесу и не сбежала раньше времени, а я, собственно, замыкала все это шествие.

Дорога сразу рванула в гору, что заставило нас пасть духом и крепче вцепиться в свои пожитки.

– Надо было меньше брать вещей, – заныла Альжбетка, пройдя первый километр.

– Я всегда тебе это говорю, – кивнула я.

– Но как я могла поехать, не взяв свою косметику и кремы?!

– Не забудь на привале подкраситься, если здесь водятся медведи, они это непременно оценят, – проворчала я, наступая Альжбетке на пятки.

Она всхлипнула, достала свой мобильник и плаксиво заныла:

– В этой глуши даже телефоны не работают.

– Думаю, они заработают чуть позже, когда мы пройдем километров двадцать, там все же санаторий строят, – утешила я ее.

К обеду ныли все. Я в душе тоже попискивала, но держалась, дабы быть примером для подражания и вселять уверенность в полудохлые сердца поникших туристов.

– Это невозможно, – обмахивалась мама своей потерявшей вид панамой, – это же безумие какое-то!

– А что у нас с едой? – спросила Солька.

– Сырокопченая колбаса, сыр, печенье, консервы и еще какая-то мелочь, – отрапортовал Славка.

– Давайте все это съедим, и тогда нам будет легче идти, – предложила Солька.

– Вообще-то не нам, а Славке, потому что он тащит все это на себе, а потом неизвестно, что нас ждет впереди, дед сказал, что магазин там раз в неделю бывает.

– Но мы же не собираемся там жить! – взмолилась Альжбетка. – Завтра же обратно к цивилизации.

– Это все прекрасно, – сказала я, – но только, возможно, не все так просто.

Не могла я в присутствии Славки и моей мамы открыто сказать про бриллианты, а Альжбетка забыла, что их надо еще найти.

– А зачем мы туда направляемся? – поинтересовалась мама, откусывая половину помидорины. – Давайте найдем деревню поближе и проживем там.

– Наш маршрут, мама, лежит именно в этом направлении, потому что мы пообещали Арсению Захаровичу проводить его к памятным местам.

– Для него памятным, – охотно поддержала Солька, укладывая на колбасу яблоко и сыр и, как всегда, разламывая потом все вместе на кусочки.

Осиков закивал.

– Дело в том, что у Арсения Захаровича был друг, который погиб, и он хочет побывать в том месте, где они часто проводили время в молодости, это понятно? – спросила я.

– Да, – улыбнулась мама. Видно, мысль, что мы все выполняем пожелания Арсения Захаровича, очень ее порадовала.

– К тому же Арсений Захарович никак не допишет свою диссертацию, а на природе у него это получится лучше.

Мама с нежностью и благоговением посмотрела на толстенького Осикова.

– А как так оказалось, что вы познакомились? – не унималась мама.

Вот ведь Славка молодец, ни одного вопроса в его голове не возникает, а тут...

– Погибший друг Арсения Захаровича – мой бывший начальник, – ответила я, – так все и закрутилось, а теперь – собрали вещи и потопали вперед.

Когда мы увидели речку, маленькие домики для туристов, огороженную территорию под строительство санатория, кусты смородины, два заброшенных колодца и старые покосившиеся деревенские дома, было уже около семи.

Теперь все издали радостный стон.

– Дошли, – только и смогла вымолвить Альжбетка и рухнула на места пожелтевшую травку.

– Дошли, – кивнула Солька, глядя на Славку влюбленными глазами.

– Дошли, – подтвердила я, знакомясь с окрестностями.

За небольшим кусочком леса виднелись крыши трех огромных домов.

– Это где-то здесь, – засветился Арсений Захарович. Переминаясь с ноги на ногу, он стал нелепо подмигивать и кивать.

Я взяла карту из его рук и углубилась в изучение бескрайних просторов необъятной Родины.

Вот вокзал с названием станции, на которую мы прибыли еще утром, вот дорога, вот речка, вот крестик...

– Нам туда, – сказала я, показывая в сторону трех роскошных домов.

– Я никуда не пойду, – взмолилась Альжбетка.

Секунду я размышляла. Подругу жалко, да и мама кажется неестественно бледной, нет, ей, конечно, к лицу, но...

– Так, Славка, Альжбетка и ты, моя дорогая мамуля, идете на турбазу и требуете нам жилье. Ночь проведем здесь, узнайте насчет продуктов, и вообще, почувствуйте себя как дома, а мы, – я кивнула на Сольку и Осикова, – сходим по памятным местам.

Альжбетка заулыбалась.

– Даже не верится, – потирала руки Солька, перешагивая через корягу, – свернем за лесочек, и все – мы богаты!

Арсений Захарович разделял ее оптимизм:

– Домик в лесу, пройдем вглубь немного и осмотримся, там я уж точно сориентируюсь, не сомневайтесь.

– Начнем искать коробку прямо сейчас, – закивала Солька, – чего тянуть, эх, жаль, лопату не взяли!

Деревья то густели, сбиваясь в плотную кучу, то редели. Мы свернули, и нашим взорам представилась следующая картина. Приличный участок леса был вырублен, три роскошных дома стояли недалеко друг от друга, обнесенные массивными заборами, слышался лай собак, и легкий дымок от костра поднимался из-за забора одного из участков.

– Теперь куда? – вопросительно спросила я, глядя на Осикова.

На секунду он задумался, а потом предложил:

– Это все обойдем и углубимся в лес, домик там.

Интуиция моя уже дергалась и металась – не жди, Анька, ничего хорошего, не жди!

Мы прошли по протоптанной дорожке и обогнули дома слева. Арсений Захарович бодро зашагал в лес, ничуть не сомневаясь в скорой победе, мы с меньшим энтузиазмом последовали за ним.

– Арсений Захарович, – пропела Солька, – а вы на кого охотились, какие звери здесь водятся?

– Что? – переспросил Осиков, оборачиваясь.

Лицо его изменилось, и, поверьте мне, не в лучшую сторону. Он позеленел и скривился, точно съел что-то гадкое и кислое. Арсений Захарович явно смотрел не на Сольку, его взгляд устремлялся куда-то вдаль.

– Вот оно, – только и смог он вымолвить и протянул руку вперед.

Я обернулась.

Забор с задней стороны крайнего дома был частично сделан из ровных, хорошо отшлифованных досок, а частично – из железной сетки, окрашенной в зеленый цвет. Помимо новеньких красивых построек на территории огороженного участка стоял неказистый маленький домик, с крышей, слегка съехавшей набок. Сомнений в душе не было – это и есть то, что мы искали.

Моя любимая подруга ахнула, а Осиков привалился к дереву. Я воздержалась от оказания первой медицинской помощи, потому что не знала, кого спасти первым – Сольку я вроде знаю давно и прикипела к ней душой, но Арсений Захарович – тоже не чужой человек, почти отец.

– Как же так... – пробормотал он, – как же так...

Из того, что мы наблюдали, можно было сделать один неутешительный вывод. Домик теперь принадлежит хозяевам красивого особняка, и, чтобы нам добраться до бриллиантов, надо... нам надо очень, очень много везения...

– Пойдемте все осмотрим, – вздохнула я, – только тихо.

Мы обошли забор и остановились около ворот. Жизнь на интересующем нас участке шла своим чередом, о чем свидетельствовало белье, развешанное на балконе второго этажа.

На воротах была приклеена небольшая бумажка. Яркий фломастер, еще не успевший выгореть на солнце, не пострадавший от непогоды лист... повесили недавно...

«Срочно нужна горничная, по этому вопросу звонить три раза.

Звонок справа».

Что за дурацкое слово – «горничная»... Я, не раздумывая, сорвала объявление и сунула в карман.

– Ты что, – спросила Солька, – работать к ним пойдешь?

Про себя она такое, конечно же, не подумала.

– А почему бы и нет, – задумчиво ответила я.

– Вот и ладненько, вот и прекрасненько, – затанцевал около ворот Арсений Захарович.

Глава 6

Мы обживаемся на новом месте

Навстречу нам вышел Славка, он довольно улыбался, из чего можно было сделать вывод, что стоянка нам обеспечена. Прекрасно – тело уже давно требовало мягкой кровати и продолжительного сна.

– Прошу, – сказал он, пропуская нас вперед.

– Докладывай обстановку, – распорядилась я.

– Домик сняли, – важно ответил Славка, – стоит сущие копейки, две комнатки и терраса с печкой. Я хотел побольше выбрать, но Мария Андреевна сказала, что лучше в тесноте, да не в обиде.

– Маму свою я еще могу понять, а вот ты почему не настоял на большей территории?

Славка виновато пожал плечами.

– А как можно понять твою маму? – поинтересовалась Солька, которая уже висла на Славкином плече.

– А чего тут понимать, так ей удобнее подслушивать, – удовлетворила я ее любопытство.

– Народу много проживает? – спросил Арсений Захарович.

– Есть немного, – ответил Славка, – молодежь в основном, Мария Андреевна это не одобрила, сказала, шуметь будут.

– Ты можешь из своих рассказов исключить мою маму?

– Не могу, – надулся Славка, – она везде, просто везде!

Я тяжело вздохнула: что тут скажешь, он прав.

– Давай дальше, – махнула рукой.

– Там все есть, вот только с постельным бельем напряженка, но твоя мама... прости, короче, вопрос решился.

– Ладно, рассказывай, каким образом.

– Мария Андреевна сходила к какому-то начальнику или сторожу и сказала, что мы из Москвы, что с нами... один научный деятель, и что он будет писать здесь диссертацию и ему необходимо создать условия, иначе все тут попляшут... В таком роде, в общем.

Я посмотрела на Осикова.

– Придется вам писать диссертацию.

– Я не могу, – замотал он головой.

– Будете объяснять это моей маме. А с едой-то что, когда магазин приедет? Ничего не узнал?

Славка расплылся в очередной довольной улыбке.

– Через два дня. Я завтра с утра червей накопаю и наловлю рыбы, ты не беспокойся.

– Добытчик ты мой, – ласково сказала Солька и погладила сердешного друга по руке.

Иногда, глядя на них, я просто взрываюсь от умиления: до чего же они подходят друг другу, сладкая парочка, да и только. Надо дотащить их до ЗАГСА – побуду свидетельницей и наемся салатиков.

– Придется мне пойти работать, – вздохнула я, репетируя на Славке свои будущие объяснения маме.

– Куда?! Зачем?! – изумился он.

– Ну, кушать нам нечего, запасы на исходе, пойду, подработаю за хлеб и воду.

– Ты чего, – изумился Славка, – не надо, я червей накопаю...

– Да, ты это уже говорил. Но боюсь, что все закончится тем, что нам придется есть этих извивающихся тварей, а не рыбу.

Солька надулась.

Мы подошли к вполне симпатичному домику, и Славка гостеприимно распахнул свежескрашенную дверь.

– Тоже мне принцесса на горошине, – услышала я сразу голос мамы, – бери этот матрас и не ерещись, на нем до тебя пятьсот человек спали и не жаловались.

Альжбетка сидела на стуле, обнимая огромный дряблый матрас. Слезы застыли в ее глазах, и только усталость помешала ей вскочить и броситься мне на шею.

– Значит, так, – продолжила мама, – девочки налево, мальчики направо, отбой в десять, и никаких хождений туда-сюда я не потерплю.

– Значит, так, – сказала я, отбирая у Альжбетки пожухлый матрас, – на этом будет спать Арсений Захарович, потому что ему необходима порция ностальгических воспоминаний, далее... всегда и во всем будет приветствоваться демократия, за исключением тех случаев, когда говорю я. А теперь спешу вам объявить, что здесь мы, по всей видимости, останемся на неделю, продовольствие на исходе, так что стройные фигуры и свежий воздух нам обеспечены.

Мама сжала губы и недобро посмотрела на меня. Я уклонилась в сторону, чтобы железные стрелы, летящие из ее глаз, прошли мимо.

– Как вы сходили? – спросила она.

– Плачевно, – отрезала я, давая понять, что разговоры на эту тему закончены.

– Завтра, может, опять пойдем, – сгладил обстановочку Осиков.

– Где тут девичья комната? – поинтересовалась я.

Альжбетка указала на правую дверь.

– Девчонки разбирают матрасы получше и готовятся ко сну, – сказала я, – сил моих больше нет, всем остальным займемся завтра.

Я сунула руку в карман и наткнулась на бумажку с приглашением на работу. Что ж, это дело решенное.

Стоило добраться до кровати, как мысли сразу стали растекаться в разные стороны, и я уже почти плыла в сторону безмятежного сна, как в дверь нашего домика постучали. Все сделали вид, что не слышат, потому что устали и сил на гостей не осталось.

Стук раздался вновь, и на этот раз он был более настойчив.

– Славка! – крикнула я. – Будь другом, убей того, кто за дверью!

Послышался скрип раскладушки и шаги... Славка потопал выполнять мою просьбу.

– Кого это принесло, уже почти одиннадцать, – возмутилась мама.

– Мне тоже хочется пойти и посмотреть, – вдруг забеспокоилась Солька.

Понять ее можно – до нас донесся медовый женский голос. Похоже, наш милый и добрый Славка в опасности (перед дамами он последнее время робеет, наверное, побаивается гнева нашей общей подруги).

Слов разобрать не удавалось, что только раздувало наше любопытство. Я встала и пошла на разведку, за мной засеменили Солька и Альжбетка, мама демонстративно отвернулась к стенке (уже легче).

К косяку двери прислонилась довольно эффектная девушка, я спиной почувствовала, что она сразу не понравилась не только Сольке, но и Альжбетке – конкуренции наша длинноногая красавица не терпела.

– До меня дошли слухи, будто приехал отличный парень, вот и пришла познакомиться, – сказала незнакомая нимфа.

Она нас, собственно, и не замечала, все ее внимание было направлено на растерявшегося Славку. Солька толкнула меня сзади, не то прося пропустить ее на передний план, не то умоляя что-нибудь сделать.

– Вы кто? – поинтересовалась я.

Девушка перевела на нас взгляд, пожала плечом и спросила у Славки:

– Эти с тобой, что ли, приехали?

Война, только война – абсолютная, с тяжелой артиллерией на первом фланге и с конницей на втором! Я отодвинула Славку в сторону и внимательно изучила нашу гостью. Ноготочки, как и у Альжбетки – три метра длиной, волосы по плечи, блондинистые, пухленькие губки, стройные, правда, чересчур худые ножки... Весьма неприятная особа!

Я взяла с дребезжащего холодильничка журнал, посвященный отважным рыболовам-любителям (видно, его забыл кто-то из предыдущих жильцов), небрежно полистала его и произнесла:

– Так, мадам, в списках сегодняшних посетителей вы не значитесь, покиньте территорию.

Я уверенно развернула незнакомку на сто восемьдесят градусов и, мягко спустив ее с лестницы, захлопнула дверь.

Солька тут же налетела на Славку:

– Она тебе понравилась? О чем вы тут разговаривали?

– Я-то тут при чем, – изумился Славка, – вы же сами сказали дверь открыть.

– Я сказала не открыть, а убить того, кто за дверью, – вмешалась я с пояснением. В данном случае я была на стороне подруги.

Славка хлопал глазами, не зная, на кого реагировать в первую очередь.

– Какая же она противная, – фыркнула Альжбетка и направилась спать.

Я последовала за ней, давая возможность Сольке устроить полноценную сцену ревности с обвинениями, лозунгами и криками протеста.

Проснулась я рано. Мама похрапывала, мужики за стенкой тоже, а девчонки спали, обняв одеяла, в каких-то смешных и странных позах. Налюбовавшись этой картиной, я вышла на терраску и напрямик направилась к холодильнику, изучать оставшуюся провизию.

Две банки рыбных консервов, огурцы, помидоры, остатки сырокопченой колбасы, конфеты, печенье и полбанки яблочного повидла. Небольшой ломоть черного хлеба лежал одиноко на холодильнике в розоватом пакете. Поразмыслив пару минут, я решила, что завтрак будет скромным. Намазав печенье повидлом, уложила его на огромный поднос, который в качестве украшения висел на стене, и, отойдя в сторону, залюбовалась делом своих рук. Чего-то не хватало. Высыпав на поднос конфеты, я успокоилась – натюрморт был на этот раз емким и красочным.

Вскипятив чайник, я слопала свою порцию печенья и конфет и вышла на свежий воздух. Соседи-туристы, видно, еще спали, потому что было тихо и безлюдно. Я направилась в сторону речки. Как и положено в таких местах, на берегу сидели рыбаки – двое. А в тумане, неподалеку от берега, маячила лодка.

– Всем привет, – сказала я тихо. Рыбаки не любят шума, наивно полагая, что именно поэтому у них и не клюет.

Мужчины обернулись и с интересом посмотрели на меня. Одному из них было лет тридцать, второй выглядел постарше лет на десять.

– Привет, – кивнул тот, что помоложе, – это вы вчера приехали?

– Ага, меня Аней зовут.

– Егор, – охотно представился парень.

– Степан, – буркнул мужчина постарше.

Мне было как-то неловко называть его по имени – слишком хмурый взгляд, сутулые плечи, редкая седина...

– А по отчеству? – поинтересовалась я.

Он ухмыльнулся и сказал:

– Зови Степаном.

– Хорошо, – пожала я плечами, – как рыба? Ловится? А то наша кампания уже одной ногой за чертой под названием «Великий Голод».

– Плохо рыбешка клюет, да и в основном только мелочь попадается, – ворчливо сказал Егор.

– Чувствую, придется нам сесть на вынужденную диету.

– Ничего, прорветесь, скоро магазин приедет. Кстати, кто из вас вчера мою сестру шуганул? – хохотнул Егор.

– Значит, эта вертихвостка – твоя сестрица? – спросила я.

– Ага, – кивнул парень, – навязали мне ее родители. Болтается по улицам, нигде не учится, не работает, вот и пришлось брать с собой, замотала она меня уже.

Чувствую, нас она замотает тоже.

– А как ее зовут?

– Вероника... девке двадцать четыре года, а ничего делать не хочет, вот только замуж рвется.

Альжбетке не понравится, что ее конкурентка по красоте моложе ее на шесть лет.

– Твоя сестрица у нас вчера жениха себе присмотрела, – сказала я, – вот только занят он уже.

– Веронику это не остановит, ох, и намахается вы с ней.

Мне показалось, что Егор посмотрел на меня с искренним сочувствием. Вот только проблем с пухнувшими от безделья разгильдяйками мне не хватало! У меня голова кругом от маман, от бриллиантов, от Осикова, да от всего на свете, а тут еще такой подарочек. Хотя, если я устроюсь горничной в роскошный особняк, то Вероника не успеет стать моей новой проблемой. Пусть девчонки с ней крутятся.

– Разберемся, – сказала я, поглядывая на мрачного Степана. Один из поплавок запрыгал, и он резко дернул удочку – уже через секунду в воздухе болталась маленькая полосатая рыбешка.

– Это кто? – поинтересовалась я.

– Окунек, – ответил Степан, – шкуры больше, чем мяса.

– А парень этот богатый? – поинтересовался Егор.

– Какой парень? – не поняла я. Все мысли были сейчас заняты рыбешкой.

– Ну, тот, на которого моя сестра запала.

– Да нет, я бы не сказала.

Уточнять, что раньше Славка выпиливал гробы, а теперь занялся тумбочками, я не стала.

– Тогда, может, еще отстанет, Веронике богатых подавай.

– Вот молодежь пошла! – возмутилась я и укоризненно посмотрела на Егора.

– Анька! – раздался Солькин голос.

О! Наша учительница ботаники проснулась и наверняка хочет есть.

– Меня зовут, пойду решать бытовые проблемы, а вам удачной рыбалки.

– Спасибо, – кивнул Степан и с напряжением стал смотреть на поплавок. Настоящий рыбак! Хладнокровен и сосредоточен!

– Если Вероничка придет, вы с ней будьте построже, – попросил Егор.

– Не волнуйся, перевоспитаем! – убегая, крикнула я. Собственно, этим займутся девчонки.

Солька стояла недалеко от дома, ежилась от холода и грызла печенье.

– Это что, – спросила она, – и есть наш завтрак?

– Да, и попрошу без жалоб.

– А это кто? – спросила Солька, кивая на реку.

– Два туриста. Постарше, тот, что в куртке – Степан, а молодой – Егор, это его сестрица вчера приходила, Вероничкой зовут, – выдала я информацию. Солька сразу поджала губы. – Замуж ей очень хочется, и на твоего Славку виды имеет.

– Ух! – только и смогла сказать Солька, потрясая в воздухе кулаком.

Понять ее можно: кому же понравится, когда вокруг твоего молодого человека вьется молоденькая красотка, да еще ничуть не стесняется своих порывов и планов.

– Сколько времени-то? – спросила я, глядя, как подруга запихивает за щеку конфету.

– Восемь, твоя маман так храпит...

– Как бы ее переселить в отдельный домик, – задумалась я.

– Размечталась, – вздохнула Солька. – А что, еды нормальной нет?

– Мало, будем экономить. Я часов в девять уйду, останешься за старшую, смотри, чтобы Осиков был на глазах, а то он тут дров наломает, и маму мою лучше из вида не выпускай.

– Хорошо, а ты куда?

– На работу устраиваться, надо уже подбираться к нашим бриллиантам, а то так и просидим тут...

– Ты что, серьезно решила?

– Другого выхода не вижу, хорошо, если возьмут, а если нет, то даже думать не хочу, что делать дальше.

– Тебя возьмут, – приободрила меня Солька, – ты только не говори ничего лишнего, потерпи хотя бы пару дней.

Я посмотрела на Сольку весьма хмуро.

– Только пусть попробуют не взять! – зло произнесла я.

Глава 7

О том, как я иду устраиваться на работу и лишний раз убеждаюсь в том, что жизнь прекрасна

– Альжбетка, что у тебя есть приличного? – поинтересовалась я. Прислонилась к дверному косяку и нахмурилась – наверняка сейчас придется перемерить кучу барахла.

– В каком смысле?

– Из одежды, не могу же я на собеседование идти в джинсах с дыркой на коленке.

Альжбетку мы уже посвятили во все наши планы, так что лишних вопросов она задавать не собиралась.

– У меня есть две юбки и платье, – щедро предложила Альжбетка.

– Показывай юбки, – потребовала я.

Альжбетка достала два маленьких кусочка материи и протянула мне.

– Это что? – спросила я, и брови мои поползли вверх. – Носовые платки?

– Нет, это две мои самые любимые юбочки.

– А на чем они вообще держатся?

Я крутила в руках эти изделия, не понимая даже, где у них перед, а где зад. Я, конечно, покупаю изредка модные вещи и даже пару раз надевала короткий топик, но... Короче, за Альжбеткой мне не угнаться.

– На бедрах держатся, – со знанием дела вмешалась Солька, – у нас девчонки в старших классах только так и ходят.

– Кошмар, – выдохнула я, возвращая Альжбетке ее богатство, – давай платье.

Она недовольно хмыкнула (наверное, обиделась за свои юбочки) и достала вполне приличное черное платье. Хорошо, что я пониже ростом, за счет этого юбка удачно прикрыла мои ноги – еще на привале я зацепилась коленом за противный сучок, и теперь на джинсах зияла дыра, а на коленке заживала рана, так что сверкать этим на собеседовании мне не хотелось.

– Я в нем пойду, – решительно сказала я, слегка закатывая рукава.

– Только осторожно, – взмолилась Альжбетка, – оно у меня на все случаи жизни.

– Универсальное, что ли? – ехидно спросила Солька.

– Да, и нечего смеяться, оно, между прочим, стоит две тысячи долларов.

– Сколько? – воскликнули мы с Солькой.

Вообще-то, теперь у нас деньги были, и весьма приличную сумму на всякий случай я взяла с собой, но все же платье за такие деньги никак не укладывалось у меня в голове. То есть я знаю, что на свете есть платья и подороже, но, пожалуй, это первое за такую цену, которое я не только подержала в руках, но еще и надела.

– Выклянчила у кого-то? – спросила Солька.

– Вовсе нет, мои поклонники сами меня балуют, – фыркнула Альжбетка.

– Не сомневаюсь, – скептически сжав губы, сказала Солька.

Кто еще может идти устраиваться на работу на место горничной в платье за две тысячи долларов – только я!

– Хорошо, что оно у тебя не новое, – сказала я, поглядывая на себя в зеркало, – хоть не выглядит на такие деньги.

– Что? – обиделась сразу Альжбетка. – Ничего ты не понимаешь в платьях, я его всего раз пять надевала.

Я вздохнула и сказала:

– Присядем на дорожку.

– Присядем, – кивнула Солька.

Мы дружно расположились на кроватях, вздохнули и переглянулись.

– Ты не волнуйся, – приободрила меня Солька, – все будет хорошо, я тут за всем пригляжу.

– Мы вместе приглядим, – поправила ее Альжбетка.

Я посмотрела на свои кроссовки и спросила:

– А хрустальных башмачков у тебя нет?

Альжбетка стала рыться в своей огромной сумке и через минуту достала черные туфли. Как ни странно, каблук был вполне приемлемый – невысокий и устойчивый.

– Они мне велики, – сказала я, любуясь на свою ногу с повисшей на ней туфлей.

– Я сейчас газеты напихаю в мысок, – засуетилась сердобольная Солька.

Вот так, в платье за две тысячи долларов и в туфлях, набитых газетой, я направилась в сторону нашего будущего богатства. По дороге я продумывала линию поведения, но запуталась в мыслях уже на полпути и решила, что просто поплыву по течению. Подойдя к забору, я достала объявление и решительно позвонила три раза. Калитку, которая больше напоминала пуленепробиваемую дверь, открыла мне шустрая маленькая женщина.

– По объявлению? – спросила она, оглядывая меня с ног до головы.

Я протянула бумажку и, решив пока не открывать рот, просто кивнула.

– Иди за мной, с дорожки не сворачивай, тут все посажено не для того, чтобы топтать.

Вполне гостеприимно, а вам как кажется?

Я отправилась вслед за бойкой Дюймовочкой. Собственно, как можно сойти с дорожки, я так и не поняла, потому что она была выложена по бокам аккуратненькими бетонными плитками. Участок был уже облагорожен, но все же бросалось в глаза, что работы время от времени возобновляются. Я покосилась в сторону интересующего меня охотничьего домика и прибавила шаг – у меня будет эта работа, во что бы то ни стало будет!

– Ноги вытирай, вот когда сама тут полы намоешь, тогда и поймешь, что это за труд.

Я послушно потерела туфлями лежащую на полу тряпку. Газета, напоминая о своем присутствии, больно уткнулась в мой большой палец.

– Чего стоишь, проходи на кухню.

– А где она? – мягко поинтересовалась я. Эх, если бы не бриллианты, я бы вела себя совсем по-другому, Дюймовочка уже лежала бы на полу в предобморочном состоянии и просила пощады.

– Перед твоим носом, – женщина ткнула пальцем в сторону коричневой двери.

Я огляделась по сторонам: большая гостиная, дверь под лестницей, дверь рядом с кухней, красиво выложенный паркет, две огромные пальмы, песочный диван, стопка нераспакованных коробок, телевизор, весьма оригинальные шторы...

– Чего стоишь, иди!

Это ради больших денег, это ради бриллиантов, это ради девчонок и ради собственного дела... Внушение помогло и, дернув золотую ручку, я вошла в кухню.

Кухня впечатляла! У меня такого размера комната. Кругом было чисто, модно, и к тому же вкусно пахло. Хорошо, я буду здесь работать, уговорили.

– Звать тебя как? – смахивая со стола пыль, которой не было, спросила Противная Особа.

– Аня.

Это был тот случай, когда меня мое имя не подвело, вряд ли бы этой гримзе понравилось, если бы я сказала – Альжбетта.

Особа еще раз оглядела меня с головы до пят, скривилась и сказала:

– Ну, хорошо, надевай передник – и за работу.

Я пожалала плечами, подошла к стене, взяла один из белых фартуков, быстренько натянула его на себя и ехидно спросила:

– Достаточно ли я теперь хороша, чтобы пополнить ряды прислуги в этом доме?

Особа топнула ногой и затрясла в воздухе пальцем:

– Я не потерплю тут подобных штук!

Да она еще и нервная к тому же...

– А давайте вы тоже представитесь, – предложила я, – это, возможно, нас сблизит, все же в одной сфере работать будем, коллеги, так сказать.

– Сравнила себя со мной, – фыркнула в ответ Особа, – я здесь всем управляю, я у хозяйки уже десять лет служу! А называть меня будешь Екатериной Петровной, поняла? Глушакова Екатерина Петровна – мое полное имя.

Что же тут непонятного.

– А кто проживает в доме? – поинтересовалась я, беря со стола загорелое яблоко. Есть же хочется, а тут фруктов целая гора на столе.

Екатерина Петровна мой голодный выпад не одобрила, отобрала яблоко и положила на место.

– Заработай сначала, – сказала она, – а уж потом свои ручонки к добру хозяйскому тянуть будешь.

Виртуальным топором я сделала зарубку в голове – припомню я это тебе, Дюймовка старая, ох, припомню!

– В доме народу обитает немного: хозяин с хозяйкой, я и садовник наш, он в пристройке живет. Тебе комнату тоже выделяют, выходной – воскресенье, все остальное время будешь работать от зари до зари, поняла?

– И что входит в мои обязанности? – поинтересовалась я, косясь на яблоко.

Екатерина Петровна отодвинула от меня тарелку подальше и сказала:

– Что скажу, то и будешь делать, и хозяева что потребуют, выполняй без лишних разговоров, а то вылетишь отсюда быстренько.

– Горю желанием приступить к работе, – мрачно улыбнулась я, – с чего начать? Где, так сказать, я могу продемонстрировать свой энтузиазм и стремление оправдать то доверие, которое вы возложили на мои хрупкие плечи, взяв меня на работу?

– Что? – переспросила Екатерина Петровна.

Понятно, длинные предложения она не усваивает.

– Я спрашиваю: постирать, погладить что-нибудь нужно?

– Хозяин поздно приехал и болен к тому же, сейчас завтрак ему понесешь.

– В постель? – уточнила я. – А чем он в таком случае болен, это не заразно?

Екатерина Петровна опять фыркнула.

– У вас, молодых вертихвосток, только одно на уме! Отнесешь завтрак и газеты, а уж в постели он там или нет, я не знаю.

– А хозяйка против не будет? Они что, отдельно спят?

Что я могу поделат, если подобное вызывает у меня живейший интерес, ну не удержалась, с кем не бывает. Екатерина Петровна побагровела и направилась к плите. Через минуту на сковородке журчал омлет, убивая меня своими ароматами. Желудок, недолго думая, зажурчал ему в ответ. Я взяла яблоко и решительно откусила. Екатерина Петровна дернулась, молниеносно обернулась, но было поздно: мои ровненькие зубки, обремененные только одной пломбой, словно кухонный комбайн, измельчали данный фрукт в пюре. Ха-ха!

Омлет издал звук, который переводится как – я готов, съешь меня. Это обезоружило престарелую Дюймовочку, и она была вынуждена заняться не мной, а сковородкой. Вообще-то, Екатерине Петровне на вид можно дать лет сорок восемь, но я специально в мыслях накинула ей еще пятнадцать: так мне было приятнее о ней думать.

На сервировочном подносе, словно по волшебству, появились чашка с обжигающим ароматным чаем, горка печенья на блюде и только что приготовленный омлет. Екатерина Пет-

ровна щедро посыпала его обжаренными грибами, и я быстро попыталась сообразить, сколько грибов можно съесть по дороге, чтобы это не сильно бросалось в глаза.

– Неси на второй этаж, да осторожно.

– Я-то отнесу, но не могли бы вы мне поконкретнее объяснить маршрут?

Демонстративно закатив глаза, видно, тем самым пытаюсь обозначить мою непробиваемую тупость, Екатерина Петровна все же снизошла до объяснения.

– Поднимешься наверх и направо, крайняя дверь из светлого дерева.

– О, спасибо!

Разве она не душка? Премилое создание.

Я с удовольствием вышла из кухни и осмотрелась – никого не было. Поставив осторожно поднос на одну из коробок, я стащила два печенья и задумалась над грибами... нет, не буду, я же на вечной диете...

Мне не терпелось оказаться на втором этаже и посмотреть обстановочку, еще хотелось познакомиться с моими непосредственными работодателями, интересно, что за толстосумы проживают в этом доме... Она, наверное, какая-нибудь красотка, а он холеный мужчина преклонных лет... Так я размышляла, поднимаясь по лестнице.

Второй этаж начинался с просторного холла. У стены стоял яркий диванчик, а на противоположной стене висел плоский серебристый телевизор.

– Неплохо, – одобрила я, глядя на эту громадину.

Нужную мне дверь я увидела сразу, но не торопилась дергать за ручку. Надеюсь, что омлет протянет еще какое-то время и не остынет окончательно, я поочередно подошла к трем другим дверям и, прижавшись ухом, прислушалась. Везде было тихо. Ничего интересного.

Я направилась выполнять поручение Екатерины Петровны. Постучала в дверь – тишина, я постучала еще раз...

– Да, – услышала мужской голос, а далее раздался хриплый кашель. Болеет бедняга.

Надеюсь, он одет? Я украсила лицо доброй, очаровательной улыбкой (иногда мне это удается) и толкнула дверь бедром. Своим бесподобным бедром!

У вас бывает так, что кажется, будто мир сошел с ума? У меня бывает, еще мне иногда снятся странные сны, и еще у меня иногда такое чувство, будто моя судьба – точно паутина на высокой траве: утром она покрыта капельками росы, я тяну за ниточку, и она поддается и начинает медленно распускаться... Я стою и сматываю мягкий пушистый комочек, сама сматываю, без чьего бы то ни было участия... о чем это я... отвлеклась...

В комнате все было так, все было на местах, и даже Воронцов – мой горячо любимый начальник, лежащий на широкой кровати с журналом в руках, был здесь весьма на месте, весьма кстати и весьма своевременен...

В моей голове, точно пчелы, зашевелились вопросы:

1. Что он здесь делает?

2. Что я здесь делаю?

3. Что вообще происходит?

4. И пожалуй, главный вопрос на этот момент – это что еще за хозяйка тут проживает вместе с ним?!!

Я выпрямила спину, вспомнила, что на мне платье, в котором только оперу слушать, вспомнила, что я – это я, улыбнулась уже своей боевой, настоящей улыбкой и спросила:

– Чайную церемонию можно начинать?

Воронцов оторвался от журнала и посмотрел на меня. Я люблю, когда мужчины смотрят на меня вот так... Этот взгляд называется – ты пришла, я ранен, я гибну, я почти убит, и нет пути назад. Хотя Солька бы назвала этот взгляд по-другому – спасите, помогите! Но не надо слушать Сольку – что может знать учительница ботаники о таких взглядах?

Воронцов отложил журнал, закрыл и открыл глаза, видно, проверяя, не мираж ли я, хотел что-то сказать, но не смог, потому что начал сильно и надрывно кашлять. Я поставила поднос на тумбочку, протянула ему кружку чая и, взяв вилку с тарелкой, усевшись на кровать, стала с наслаждением есть омлет.

Глава 8

У вас есть вопросы, Виктор Иванович?.. Я готова на них ответить

– Не бережете вы себя, – сокрушалась я, отправляя в рот золотистый гриб, – вот что значит – меня нет рядом, я теперь и бояться буду оставлять вас надолго одного.

Воронцов кашлял.

– Где простыли-то, позвольте полюбопытствовать, ваша мама не говорила вам, что надо надевать подштанники, так теплее...

– Говорила, – просипел Виктор Иванович.

– Так что же не носите?

– Я убью тебя!

– Не торопитесь, дайте омлет доесть.

Я положила ногу на ногу – теперь я чувствую себя в этом доме уверенно и свободно.

– Ты что здесь делаешь?! – наконец откашлявшись, спросил Воронцов.

– Не поверите: я здесь работаю.

– Кем?

– Горничной, – отвечаю с легкостью.

– Кем?!

– Почему вы так кричите, у вас же горло болит. Горничной, а что, вас это беспокоит?

– Ты как здесь оказалась?

– Поездом.

– Ты как здесь оказалась, я тебя спрашиваю?!

Я заметила, что Воронцов хоть и находился в шоковом состоянии, но все же ему было приятно мое присутствие – и волна удовлетворения словно омыла мое тело. Он скучал.

Неплохие вы вопросы задаете, Виктор Иванович, но не думаете же вы, что я вот сейчас запросто расскажу вам про бриллианты?

– А вы что здесь делаете? – нагло поинтересовалась я.

– Это мой дом! Этот участок я купил пару лет назад.

– Это даже неплохо, это, можно сказать, даже очень удачно... А что ж поближе к Москве не купили? Денег не хватило?

– Поближе к Москве у меня есть еще один дом... а сюда мы приезжали с твоим бывшим начальником Селезевым, мужем моей сестры, я доходчиво объяснил?

– Вполне... Наверное, вы жили в той халупе, что торчит посреди вашего участка, и охотились на здешних кабанов.

– Ты откуда знаешь?

– Женская интуиция, и вообще у меня такое чувство, что весь мир делает это именно здесь...

– Да, мы охотились, голова у тебя всегда хорошо работала, – Воронцов глотнул чая и сморщился, – Селезнев не хотел сносить старый домик в память о своей молодости, но теперь я его снесу, не вписывается он в общую картину.

Сердце мое забило в удвоенном ритме.

– Не торопитесь, успеете, хотелось бы взглянуть на него, все же это история и память...

– Не волнуйся, насмотришься еще, пока у меня руки до этого не доходят.

Я облегченно вздохнула.

Почему же Селезнев не предупредил обо всем Осикова, а вместо этого нагрузил его картой местности? Наверное, хотел сделать сюрприз старому другу: повез бы его однажды якобы

в лес к покосившемуся «шалашу», а потом бы оказалось, что жить они будут во дворце... занятно...

– Может, ты теперь объяснишь, что здесь делаешь? – перебил ход моих мыслей Виктор Иванович. – Хотелось бы услышать подробный и внятный рассказ.

Я хорошенько встряхнула мозги и встала на путь относительного вранья.

– Мама врачи прописали местный климат, нам порекомендовали турбазу у речки, вот мы там и обосновались...

– Так тут еще и твоя эксцентричная родительница! – воскликнул Воронцов.

О да, совсем недавно Виктор Иванович познакомился с моей мамой, и она произвела на него неизгладимое впечатление. Впрочем, иначе и быть не могло. Маман – это маман!

– В каком тоне вы говорите о женщине, которая произвела меня на свет, – я старательно нахмурилась.

– Ладно, не отвлекайся, ври дальше.

– Так вот, мы весьма недурно обустроились в одном из домиков, с нами еще девчонки и двое... очаровательных мужчин.

Одна бровь Воронцова удивленно и вопросительно поползла вверх. Надеюсь, он ревнует.

– Солькин друг и мой будущий отчим, – доходчиво объяснила я.

Воронцов закашлял опять.

Я съела печенье.

– Ты хочешь сказать, что ты здесь совершенно случайно, просто ветер подул в эту сторону? – спросил Виктор Иванович.

– Совершенно случайно, вы абсолютно правы, – подтвердила я его здравую мысль.

– Допустим, – кивнул он, – но, насколько я помню, когда ты отправилась в отпуск, ты была весьма состоятельной особой, что же заставило тебя устроиться в этот дом горничной?

Мысли, мыслишки, где вы? Помогите, спасите, меня почти загнали в угол!

– Вы же знаете, какой у моей мамы характер, мы с ней все время ругаемся, и я, чтобы разрядить как-то обстановку, была вынуждена пойти на этот шаг. Так мы с ней находимся на должном расстоянии.

– А просто поселиться в соседнем с мамой домике в голову не пришло? – улыбался Воронцов.

– Боюсь, что мама этого не поймет и обидится, – улыбнулась я в ответ, – а так – вроде неплохая причина побыть на расстоянии... и к тому же, всем известно, что труд облагораживает человека, я готова стать лучше!

– Я сделаю вид, что поверил в этот сказочный бред, – кивнул Воронцов, – но работать ты здесь не будешь.

Я вскочила – вот это да! Я-то полагала, что бриллианты теперь точно наши.

– Это еще почему?! – моему возмущению не было предела.

Воронцов склонил голову набок и ответил:

– Боюсь, что твоим друзьям будет скучно без тебя, к тому же ты сама сказала, что Мария Андреевна скоро выйдет замуж, тебе надо больше времени проводить с семьей...

Я сжала губы и нацелила гневный взгляд на Воронцова.

– Хотя нет... – еле сдерживая смех, сказал он, – это значит, ты здесь будешь жить и выполнять все мои пожелания... неплохо...

– Чему вы радуетесь?

– Оставайся, думаю, впереди у меня целое море удовольствия, – Воронцов засмеялся.

Ладно, со всем этим мы разберемся потом, главное, я остаюсь, и главное... он рядом... Неплохо.

– А кто это тут с вами проживает, что за дамочка? – тактично поинтересовалась я. Ответа я ждала с нервной дрожью в коленях.

– Сестра Галя.

Улыбка озарила мое лицо. Это правильно, родственные связи надо поддерживать. Какой замечательный день сегодня, просто чудо!

– А нельзя ли эту гримзу, которая пасется сейчас на первом этаже, как-то ликвидировать и сделать меня здесь самой главной? – спросила я, довольно поглядывая на опустевшую тарелку.

– Нельзя, – ехидно улыбаясь, ответил Воронцов, – должен же хоть кто-то заняться твоим воспитанием.

– О! Не думайте, что меня так просто сломить, уверена, она сама скоро напишет заявление об уходе.

– Ты знаешь, это все же невероятно, что ты здесь...

– Еще бы! Вы-то думали, что легко от меня отделались, сами уволились, а я там работай, как хочешь, да еще с каким-то новым и неродным мне начальником. Я вообще не понимаю, куда это вы рванули, вы что, действительно полагаете, будто сможете прожить без меня?

Воронцов допил чай, подошел к окну и поставил кружку на подоконник; ему хотелось что-то сказать, но он сдерживал себя, лишь волнующая улыбка играла на его губах.

– Ну, – не выдержала я, – отвечайте!

– Нет, – наконец сдался он, – я не собирался уходить без тебя, просто не смог отказать себе в маленьком удовольствии...

– Это еще в каком? – на всякий случай я решила начать сердиться.

– Хотел тебя позлить.

– Ничего удивительного, с вашим характером...

– Что? С моим характером! Да ты на себя посмотри, – засмеялся Воронцов, – к тебе в квартиру, наверное, и мухи не залетают, бояться.

– Это вы напрасно, – демонстративно ставя на поднос тарелку, вздохнула я, – да я добрейшей души человек...

– Как я уже сказал – я не собирался уходить без тебя. Думал, вернешься из отпуска, и я предложу тебе должность помощника на своей фирме, хотел тебе сделать такой вот сюрприз.

– Сюрприз? Да у вас мания величия! Можно подумать, работа с вами – это невозможное счастье, – фыркаю и поджимаю губы, – вы же зануда!

– Ты отказываешься?

Вот еще! Хотя скоро у меня вообще будет своя фирма...

– Нет, не отказываюсь, я девушка ответственная и бросить вас на произвол судьбы не могу.

– Просто сознайся, что тебе нравится со мной работать.

– Нравится, особенно если учесть, что я очень давно нигде не работала больше двух-трех недель. Почему-то меня очень быстро всегда увольняют.

– Вот и прекрасно, а теперь ты можешь приступать к своим обязанностям здесь, не буду тебе мешать.

Воронцов опять взял журнал и уткнулся в него. Немного постояв, я направилась к двери.

– Да... Когда надумаешь рассказать правду о том, как ты здесь оказалась и что тут делаешь, буду рад тебя выслушать, – полетело мне в спину.

Особенно приятно было громко хлопнуть дверью после этих слов.

Екатерина Петровна поджидала меня на кухне.

– Ну что? – поинтересовалась она.

– Все прекрасно, – заверила я ее, – Виктор Иванович произвел на меня прекрасное впечатление, и спасибо за оmlет, он мне понравился.

Екатерина Петровна недоуменно посмотрела на меня.

– Я сегодня почти ничего не ела, и Виктор Иванович был так добр, что отказался от своего завтрака в мою пользу.

Мне кажется, Екатерину Петровну не обрадовало, что я в полной мере оценила ее стряпню и к тому же снискала расположение нашего общего работодателя.

– Жить я здесь буду с удовольствием, – объявила я, дабы добить ее окончательно.

– Вот Галина Ивановна приедет, устроит она тебе тут такое удовольствие...

– А когда она приедет? – поинтересовалась я, садясь за стол.

– Не знаю, она о своих визитах не предупреждает.

Покосившись на гору фруктов, я вспомнила о своих голодных друзьях и родственниках.

– Виктор Иванович, – сказала я, – разрешил воспользоваться его холодильником и отнести продукты моей семье. У меня, знаете, мама больна, перепады настроения, мигрень и неразделенная любовь, – я постучала пальцем по виску, – ей витамины нужны.

Взяв с отливающего красным деревом буфета красивый пакет, я ловко стала заполнять его яблоками и бананами. Екатерина Петровна оторопело смотрела на происходящее. На этом разгроме я не остановилась и решительно залезла в холодильник, стащив с полок четыре банки консервов, полбатона колбасы, банку сгущенки и почти размороженную курицу. Я решила проявить чудеса скромности и, спрятав все в пакет, закрыла холодильник. Хотя, поверьте мне, я еще могла взять буженину, банку красной икры и десяток яиц вместе с огромной селедкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.